

Юсуф Зейдан

АЗАЗЕЛЬ

Лауреат премии
«Арабский Букер»

Юсуф Зейдан

Азазель

«АСТ»

2013

Зейдан Ю.

Азазель / Ю. Зейдан — «АСТ», 2013

«Азазель» – философско-исторический роман, в котором рассказывается о человеческих страстях и падениях, религиозном насилии и отношениях между мужчиной и женщиной. Главный герой – монах Гипа, человек робкий и тревожный, – стал свидетелем кровавых расправ над близкими ему людьми и оттого – засомневался в существовании Бога. Перед читателем разворачивается картина внутренних борений, надежд, падений и воскрешения трепетной и мятущейся души человека, волею судьбы ставшего очевидцем драматических событий истории Восточной Церкви V века и пережившего духовный и нравственный разлад.

© Зейдан Ю., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	5
Лист I	7
Лист II	10
Лист III	29
Лист IV	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49
Комментарии	

Юсуф Зейдан

Азазель

Очень личное посвящение:

Айе

*Это, дочь моя, мое откровение, которое никогда не было
ниспослано обоим мирам.*

*«У каждого человека есть свой шайтан, даже у меня, но Аллах
помог мне одолеть его, и тот покорился».*

Высказывание пророка Мухаммада, переданное аль-Бухари

Пролог

Эта книга, которую я завещал опубликовать после моей смерти, представляет собой, вероятно, наиболее точный перевод нескольких свитков (пергаментов), обнаруженных мною десять лет назад в богатых на неожиданные находки древних развалинах, расположенных к северо-западу от сирийского города Алеппо. Эти развалины растянулись на три километра вдоль обочины старой дороги, связывающей древние города Алеппо и Антиохию, история которых уходит в глубину веков. Мощеная дорога между ними считается последним участком Великого шелкового пути, начинавшегося в те далекие времена на краю Азии и доходящего до самого Средиземноморского побережья.

К сожалению, почтенного отца Валима Казари, руководившего раскопками на этом месте, постигла неожиданная и трагическая кончина в середине мая 1997 года.

Листы пергамента с нанесенными на них письменами на древнем сирийском (арамейском) языке дошли до нас в удивительно хорошем состоянии, что случается довольно редко, хотя и были изготовлены в первой половине пятого века от Рождества Христова, а более точно – тысячу пятьсот пятьдесят пять лет назад.

По всей вероятности, это объясняется качеством кожи (пергамента), на которой были записаны письмена лучшими в те далекие времена угольными чернилами. Кроме того, свитки хранились в крепко запертом деревянном пенале, куда египетский монах Гипа вложил составленное им удивительное описание невыдуманных событий своей беспокойной жизни и перипетий того бурного времени.

Отец Казари полагал, что украшенный тончайшими медными вставками деревянный пенал на протяжении многих веков никто никогда не открывал. Поэтому, да простит его Господь, он не очень тщательно изучил его содержимое. А может, боялся, что свитки без специальной химической обработки просто рассыплются у него в руках. Видимо, из-за этого он не обратил внимания на встречающиеся на полях пергаментных листов пометки и комментарии на арабском языке, написанные тонким почерком «насах»^[1] примерно в пятом веке хиджры^[2]. Мне кажется, они были сделаны одним из арабских монахов, принадлежавших к церкви несторианского толка города Эдесса, последователей которой и сегодня называют несторианами. Этот монах не пожелал оставить нам свое имя. Некоторые его вольнодумные примечания и комментарии я привел в своем переводе, но кое-какие из-за их чрезмерной дерзости опустил... Последним, что записал этот неизвестный монах на обороте самого последнего листа пергамента, была фраза: «Я вновь похороню это сокровище, ибо время его появления на свет еще не пришло!»

Я потратил семь лет на перевод летописи монаха Гипы с сирийского языка на арабский, но потом пожалел об этом и побоялся опубликовать ее при жизни.

Рассказ монаха занимает тридцать пергаментных листов, заполненных с двух сторон старинными сирийскими письменами, которые специалисты называют «эстрангело»^[3]. Именно этим почерком были записаны старые Евангелия. Я как мог пытался найти любые сведения об авторе этих записок – египетском монахе Гипе, помимо тех, которые он сообщил о себе в своем жизнеописании, но не смог ничего обнаружить ни в одном из древнейших источников. Я пересмотрел современные работы, надеясь найти хоть какое-то упоминание о нем, но тщетно. Как будто его никогда не было и он жил лишь в записках, которые дошли до нас. Но после продолжительных изысканий я убедился в реальном существовании всех деятелей церкви и в достоверности изложения событий, упоминаемых в великолепной рукописи Гипы.

Четкость почерка, лишённого избыточного украшательства, чем всегда грешил эстрангело, облегчила мне понимание многих не вполне ясных мест рукописи и помогла перевести текст на арабский, не исказив первоначального смысла, что часто случается при работе с дошедшими до нас трудами того давнего времени... Я не могу не поблагодарить почтенного настоятеля сирийского монастыря на Кипре, сделавшего важные замечания к переводу и оказавшего мне помощь в понимании некоторых темных оборотов древнецерковной речи.

Я отнюдь не уверен в том, что мой арабский перевод способен полностью передать все великолепие и изысканность языка сирийского текста. Несмотря на то что в те далекие времена уже существовала обширная литература на сирийском, а способы письма были весьма совершенны, речь монаха Гипы и обороты его слога можно считать образчиками стиля и красноречия. Долгими ночами я разбирал хитросплетения его утонченного и яркого повествования и созданные им образы, все больше убеждаясь в поэтичности и чувственности его слова и совершенном проникновении в таинства сирийского языка, на котором он пишет.

Жизнеописание Гипы я разбил на главы и присвоил им собственные заголовки, чтобы облегчить читателю знакомство со столь редким текстом. С этой же целью в переводе я использовал современные названия городов, о которых упоминал монах Гипа. Так, имя города Панополиса, расположенного в самом центре Южного Египта, я привожу не в его греческом варианте, а так, как оно звучит сегодня: Ахмим. Сирийское поселение Германика я назвал его современным именем Мараш. Пустыню Скитис – именем, под которым она известна сегодня: Вади Натрун. И так я поступил почти со всеми встречающимися в оригинальном тексте названиями городов и местностей, за исключением тех, от древних наименований которых были образованы современные имена, как например Никея, входящая сегодня в состав Турции. Хотя сегодня этот город носит имя Изник, я предпочел оставить его старое название, так как это место имеет особое значение для церковной истории. Именно здесь в 325 году от Рождества Христова Вселенский собор церковных иерархов приговорил священника Ария к отлучению, изгнанию и забвению, объявив его еретиком и отступником от ортодоксальной веры.

Используемые автором даты по коптскому календарю я привожу также согласно григорианской системе летоисчисления. В редких случаях я снабдил свой перевод краткими, но необходимыми ссылками и примечаниями.

Переводчик Александрия, 4 апреля 2004 г.

Лист I Начало

Милости, мой Боже. Милости и прощения, о Отец наш; Иже на небесех. Помилуй меня и спаси меня от меня самого, ибо я, как Ты знаешь, слаб. О Боже милосердный, дрожат мои руки от ужаса и страха, а сердце и дух мои трепещут от напастей и горестей этого времени. Ты один, мой милостивый Боже, слава Тебе, знаешь, что много лет назад я приобрел этот пергамент в окрестностях Мертвого моря, дабы излить на него свои чувства и устремления к Тебе в своем одиночестве, восславить Имя Твое среди людей на земле, как славен Ты на небесех. На нем я решился записать свои моления, которые приблизили бы меня к Тебе, как, наверное, раньше до меня делали это молитвы монахов и праведных келейников везде и во все времена. Но вот теперь, когда настала пора приниматься за записи, я страшусь поверять бумаге то, что приходит мне в голову и влечет меня на путь горести и погибели. О мой Господь, услышь меня! Я, Твой верный и растерянный раб, Гипа-монах, Гипа-лекарь и Гипа-чужеземец... как зовут меня люди в чужой здешней стране. Лишь Ты один, мой Боже, знаешь мое настоящее имя, Ты да еще люди моей страны, видевшие мое рождение. О, если бы мне никогда не рождаться, если бы мне умереть в младенчестве безгрешным, чтобы снизошли на меня прощение Твое и милость Твоя! Смилуйся надо мной, милосердный, ибо я страшусь того, что собираюсь сделать. Ты знаешь в своей горней выси, как утеснял меня мой и Твой заклятый враг Азазель^[4], понукавший меня записать все, что довелось мне увидеть в моей жизни... И что такое была моя жизнь, чтобы я описывал все, что видел в ней? Спаси меня, милостивый Боже, от его наущений и искушения моей души. Ибо я, мой Господи, не переставал ждать от Тебя знамений, а они все не являлись. Я с нетерпением алкал Твоего прощения, и до сих пор сомнения смущают меня. Если бы только пожелал Ты, владыка небесной силы и всевышней славы, понять меня, дав знак, я принял бы Твой приказ и повиновался. Если оставишь меня наедине с самим собой, я заблужусь... Душа моя утеснена со всех сторон, смущают ее обольщения и мстительные порывы проклятого Азазеля после того, как ушла Марта, ввергнув меня в безнадежное отчаяние.

Смиренно прошу Тебя в ночи, Господи, молюсь и сплю. Ты сотворил из великой мудрости Твоей многие сны для меня. Сниспошли мне из Твоей милости во сне знамение, которое осветит мой путь, ибо откровения Твои и раньше пробуждали мой разум и останавливали меня. И сейчас предзнаменование Твое, Господи, удержит меня от писания, но если Ты оставишь меня наедине с самим собой, я стану записывать. И что я, о Боже, как не перо, носимое ветром и удерживаемое слабыми пальцами, которые так и норовят макнуть его в чернильницу, чтобы начать живописать все, что случилось со мной, все, что происходило и происходит со злокозненным мятежником Азазелем, Твоим слабым рабом и Мартой... Милосердия, милосердия, милосердия...

Во имя Всевышнего Господа я приступаю к составлению описания того, что было и есть в моей жизни, желая рассказать о том, какие события меня окружали и что распалило страхи в моей груди. Это моя первая запись, начатая ночью двадцать седьмого числа месяца тот^[5] (айлюля (*араб.*), или сентября) сто сорок седьмого года эры Мучеников^[6], соответствующего четыреста тридцать первому году после рождения Иисуса Христа, тому злосчастному году, когда был отлучен и изгнан досточтимый епископ Несторий и сотряслись столпы веры. Я не знаю, как и когда завершу ее, но поведаю о том, какой соблазн и муки довелось испытать мне и прекрасной Марте, что приказал сотворить проклятый коварный Азазель и что случилось с настоятелем монастыря, в котором я обретаюсь, но не нахожу мира и покоя. И еще в этом повествовании я помещу рассказ о своей жизни после ухода с родины, лежащей на краю города

Асуан на юге Египта, где несет свои воды Нил, о котором жители моей деревни говорили, что он вытекает из рук Бога, а воды его льются с небес. В детстве я и сам верил в эту сказку, пока не стал учиться в Наг Хаммади, Ахмиме, а затем в Александрии. Тогда я осознал, что Нил такая же река, как и все прочие реки, и все вещи такие же, как и везде. Отличными от других делаем их мы сами, окутывая покровом фантазий, мыслей и веры.

С чего же начать? Прошлое мешается и путается в голове. Быть может, начать словами моего старого учителя Сириануса, говорившего: «Все, во что мы верим, – чистейший вымысел». Начало, конец – все это не более чем точки на прямой линии, границы которой существуют лишь в нашем воображении либо на бумажках, на которых мы строчим то, что напридумывали. А в жизни, да и во всей вселенной, всякая вещь вращается по кругу, взаимодействуя с другими вещами. У истины нет ни начала, ни конца, все, что существует, – лишь непрерывная последовательность. Одно явление цепляется за другое, образуя круг, от которого расходятся новые круги. Наполняется жизнь, замыкается ее круг и истощается смертью, и мы возвращаемся в то, из чего вышли...

Голова моя идет кругом, в сердце теснятся и вихрятся воспоминания, перед которыми я бессилён...

С чего же начать?.. Я начну с настоящего, с моего заточения в келье, длина и ширина которой не больше двух метров. Она меньше, чем некоторые египетские могилы. Стены ее облицованы камнем, добываемым в расположенных неподалеку каменоломнях. Из него построено большинство местных зданий. Когда-то камень был белым, но со временем потерял цвет.

Вход в келью запирает хлипкая деревянная дверь без замка, за ней длинный коридор, куда выходят кельи других монахов. Убранство моего пристанища небогато. Я сплю на деревянном топчане с тремя подстилками из войлока и льна – это мягкая и легкая ткань. Но я привык спать сидя, как это принято у египетских монахов. В левом углу напротив двери стоит небольшой стол. На нем – чернильница и старая лампа с хилым фитилем, дающим дрожащий свет. Под столом лежат еще не исписанные белые листы пергамента и палимпсесты, надписи с которых соскоблены. Рядом со столом – мешок с сухарями, кувшин с водой, фляга с маслом для лампы и свитки книг. Над всем этим на стене висит вырезанная на дереве икона Девы Марии. Лишь на ее, Девы и Матери, лице отдыхает мой взор.

В другом углу стоит деревянный, украшенный узорами из медной проволоки сундук – его, полный фиников, подарил мне как-то один богач из города Тира, когда я вылечил его от хронического поноса, не взяв платы по обычаю благородного мудреца Гиппократы, который научил род людской медицине, описав свое искусство в книгах... А может, это Азазель соблазнил его все записать?

Если мне удастся завершить мое жизнеописание, я сложу написанное в этот сундук вместе с Евангелиями и запрещенными книгами и спрячу под расшатанной мраморной плитой у ворот монастыря, надежно укрою и присыплю плиту землей. Я хочу оставить что-нибудь после себя в этом мире, когда совсем уйду через сорок дней, отсчет которых начался с сегодняшней ночи – времени моего отшельничества и составления этих записок, о которых я никому не рассказывал.

Моя келья, расположенная на последнем этаже дома, – одно из двадцати четырех таких же помещений, где живут монахи этого монастыря. Здесь есть несколько запертых комнат, хранилище для зерна и молельня. На первом этаже дома находятся монастырская кухня, трапезная и просторный зал для приема гостей. В монастыре насельничают двадцать два монаха, а также двадцать послушников, выполняющих различные работы в ожидании пострига. В большой монастырской церкви служит временный приходской священник из небольшой церкви в селении из нескольких хижин, прилепившихся к подножию монастырского холма. В монастырской церкви он стал служить несколько лет назад, после кончины священника из монахов.

Хиротония была совершена в соборе Антиохийской церкви, к которой принадлежит и этот монастырь. У приходских священников есть жены, с которыми они спят, а мы, монахи, спим в одиночестве и, как правило, сидя, если не проводим ночи в молитвах и долгих славословиях.

Келья, малый круг моего чувственного мира, окружена большим внешним кругом – монастырем. В день, когда я впервые вошел в него несколько лет назад, он показался мне местом для успокоения души. Я действительно наслаждался здесь покоем, о котором мечтал с тех пор, как пришел сюда, пока не произошло то, о чем я собираюсь поведать.

Я пришел в монастырь, выполняя волю Господа и следуя наставлению Нестория, его заветам и напутствиям. Хотя он, да поможет ему Господь, приглашал меня поначалу отправиться вместе с ним в Антиохию и жить там до самой смерти, но затем ему было веление, он передумал и посоветовал прийти сюда. Он написал рекомендательное письмо настоятелю этого монастыря, и наступили для меня времена, полные неожиданных событий, которые я пережил. Письмо Нестория я по-прежнему храню под деревянным подголовником. Его вернул настоятель по моей просьбе, где-то через год после моего прихода сюда из Иерусалима... Салим, Ирусалим, Ирушалайм, Урушалим, Илия, Дом Господа! Много имен носил ты, святой град, со всех сторон окруженный бесплодной землей. Что ты для меня сегодня, далекий? Много дней, проведенных в монастыре, ты казался мне сияющей мечтой в облаках моей бледной жизни, но вскоре и твой блеск померк.

Почему же все стало тускнеть? Раньше умиротворяющий свет веры освещал мою душу, но, замурованный меж наклонных стен этой кельи, в своем одиночестве, я давно позабыл о нем, и даже солнечный свет стал казаться мне тусклым и пугающим.

Покинет ли тревога мою душу, и достигнет ли меня хоть какая радостная весть после той, что пришла из города Эфеса, где священники и епископы собрались вокруг благородного епископа Нестория и, начав поносить его, предали анафеме? В тот миг прервалась для меня связь времен и овладели мной тревога и смятение. Что будет с гонимым епископом Несторием, которого я знал со времен его священства? Мы встретились в Иерусалиме в тот день, когда он пришел туда с группой паломников из Антиохии, за четыре года до его рукоположения в епископы Константинополя. Давно случилась эта встреча, час которой за давностью лет видится мне в далекой дымке, и вместе с ним стираются в моей памяти и уходят в забвение знакомые местности и города. И подлинно, встречались ли мы с ним в Иерусалиме?!

Лист II

Дом Господень

Прежде чем прийти в Иерусалим, я обошел все его святые места, следуя завету отшельника Харитона, удалившегося для свершения монашеского подвига в дикую пещеру у Мертвого моря.

– Сын мой, – напутствовал он меня, – как только достигнешь Палестины, не торопись сразу в Иерусалим, не входи туда, пока не подготовишь свое сердце к паломничеству и не успокоишь свой дух. И что такое паломничество, как не духовное успокоение, и что такое путешествие, как не постижение Божественного веления, воплощенного в духе?

Долгие месяцы я бродил по окрестностям Палестины и Самарии, совершая долгие переходы от одной еврейской деревни к другой, посещал те места, где бывал Иисус и жили его ученики. Я начал с Каны, что рядом с Назаретом, где Христос свершил свое первое чудо, превратив воду в вино, чтобы угостить гостей на свадьбе, как записано в Евангелиях. В Назарете я не нашел никаких следов, которые указывали бы на него; здесь не осталось ни одного дома того времени! Я почувствовал разочарование и продолжил путь к другим местам, упоминаемым в Торе, Евангелиях и других канонических и неканонических священных книгах, которые не так давно мы стали именовать апокрифами. Во время своих странствий я испытал много сомнений и часто ночами чувствовал такой страх, что спустя три года блужданий в окрестностях Сидона однажды ночью узрел Иисуса Христа в ослепительно белых одеждах, наполняющего своим сиянием небеса. И Он, обратившись ко мне на арамейском, произнес: «Если ты ищешь Меня, заблудший, то откажись от себя, оставь этот край и иди в Иерусалим, чтобы узреть Меня. Тогда ты сможешь жить по-настоящему». Так в моем видении говорил Иисус, распятый на кресте, и не было никого в то время рядом.

На следующий день после благовещения я направил стопы свои к Иерусалиму... Там я намеревался провести остаток дней. И пока я шел, сердце мое переполняла мольба: я просил Господа явить мне свой лик среди обломков крушения в океане сомнений, наполнить мою душу покоем, укрепить мое сердце верой и светом убеждения.

Ночами, останавливаясь под деревьями, мне удавалось погружаться в сон лишь на пару часов: сменяющие друг друга видения страдающего на кресте Спасителя, рыдания девственной Матери, мучения безвинного Иоанна Крестителя и всего, что произошло со мной в Александрии, преследовали меня.

Я пришел в Иерусалим, когда мне было уже за тридцать – возраст, в котором странствия тела на земле и духа в небесах уже завершаются и глазам хочется блуждать по страницам книг.

Я вошел в город в полдень со стороны Самарии, в знойный месяц абиб (таммуз (*араб.*), июль). Стояла невыносимая жара, и повсюду был слышен людской гомон. Внезапно меня охватила тоска, какая всегда нападает в больших городах. Мимо рынков и многочисленных построек я двигался к церкви Воскресения. Повсюду сновали монахи, торговцы; люди всех национальностей: арабы, сирийцы, греки, персы и другие, чей язык был мне неизвестен. Блуждая меж деревень Палестины, я почти позабыл, что такое суета больших городов. От толчеи я поспешил укрыться в стенах церкви, большие двери которой оказались распахнутыми. Едва я переступил порог, меня охватило острое чувство голода и усталости. Я восславил Господа – и вдруг сума моя, наполненная книгами и свитками, показалась свинцовой, и я рухнул в обморок, из которого меня вывел церковный священник.

Он развеселился, узнав о том, что я сам врачеватель, и пошутил:

– По твоему клобуку я понял, что ты монах, но по обмороку не догадался, что ты врач! – Затем он спросил, как меня зовут, и я ответил:

– Гипа.

– Ты пришел на поклонение или хочешь остаться с нами, достопочтенный брат?

– Сначала поклонение, а потом – как пожелает Господь.

Несколько дней я провел с монахами как обычный паломник. Они были внимательны, но часто докучали просьбами рассказать о тех странах, где мне довелось побывать, о трудностях, которые приходилось преодолевать, а также о тех святых людях, с которыми удалось повстречаться, и могилах праведников, которые я посетил. Особенно часто меня спрашивали об Александрии, но на эти вопросы я отвечал так, как подобает в подобном месте и в подобных обстоятельствах, чтобы не возбуждать праздное любопытство монахов и не смущать их благочестия.

В первые дни моего пребывания в Иерусалиме я много размышлял о таинстве паломничества. Я спрашивал себя: что побудило меня оставить родной край и прийти в это святое место? Не мог ли я соприкоснуться с чем-то сокровенным и святым в себе самом, просто уйдя в пустыню возле своего дома? Покорность, обряды очищения, продолжительные молитвы, восхваление Господа и монашеская жизнь – способно ли это вызвать внутри нас божественную музыку и сокровенную святость? И в чем тогда кроется благословенность места? Не таится ли она в нас самих, не изливается ли она на такие места, если мы после долгого путешествия приходим куда-либо обуреваемые страстями и желаниями? Неужели благоговение, охватившее меня при виде стен церкви Воскресения, было лишь чувственной реакцией на вид внушительного здания, или на меня так подействовал потаенный смысл самого акта Воскресения? Действительно ли Христос восстал из мертвых? И как мог Он, Бог, умереть от руки человеческой?.. Так значит, человек может умертвить своего Бога, пытаться Его, прибить Его гвоздями к кресту?

Спустя несколько дней после моего появления в церкви добрый священник спросил меня:

– Не хочешь ли пожить вместе с нами или останешься в городе лечить детей Господних, прибывших сюда на паломничество?

Я оставил выбор за ним... Никто не выбирает сам, лишь небесная воля так составляет все вещи и слова, что их скрытый смысл проясняется для нас. Я так и ответил, и священник, довольный, улыбнулся, а затем по воле Господа сказал:

– Ты можешь остаться и занять келью, которую построил монах Рахави на церковном дворе. Я имею в виду ту комнату, что находится справа от ворот главного входа. Живи там и будь с нами – и одновременно среди людей. Эта келья закрыта со времен тунайха¹ насельника пару лет назад, да смилуется над ним Господь, он был настоящим святым. Я попрошу сторожа, чтобы он приготовил ее для тебя. Ты можешь вселиться туда прямо завтра...

И в этот миг я понял, что вызываю у них тревогу. Да и какое еще чувство может вызывать невесть откуда взявшийся египетский монах, не имеющий рекомендательных писем и не объясняющий причину своего появления? Даже если бы я жил в самой церкви, понадобились бы годы, чтобы монахи меня приняли. А если бы я поселился в городе, меня убил бы шум людской толпы. Поэтому сделанное предложение было как нельзя кстати, поскольку отведенное мне место располагалось как раз между церковью и городом, но ни там ни здесь – что-то вроде середины на половину, как и я сам.

Первую ночь в келье Рахави, как они называли ее, я провел, искренне радуясь тому, что нахожусь в месте, где в течение двадцати лет кто-то поклонялся Господу. В том, что нашлось убежище для моего смятенного духа, я усмотрел добрый знак. Рядом, буквально по соседству, находилась так вдохновившая меня церковь Воскресения. Из своего единственного зареше-

¹ Тунайх – сирийское слово, до сих пор используемое в церковном языке, означает «умерший» или «почивший», в исконно сирийском значении – «ушедший на покой».

ченного окна я мог видеть, как стекались к ней толпы благочестивых верующих и обращенных, прибывающих сюда на поклонение в течение всего года.

Монахи и священники, прислуживающие в церкви Воскресения, были хорошие и простые люди, большинство из которых искали со мной близости, когда узнавали, что я занимаюсь врачеванием и сведущ в искусстве исцеления. . . Их не заботило то, что я еще и поэт. Церковные служки, дьяконы и младшие священники относились ко мне с симпатией и часто приходили за лекарствами. К старшим священникам и главным монахам я приходил в церковь, только когда они меня приглашали.

Чаще всего люди в Иерусалиме болеют из-за отсутствия в пище разнообразия. Их единственная еда по большей части состоит из оливкового масла, хлеба, выпеченного из непросеянной серой муки, козьего сыра и немногих фруктов. Жизнь в Иерусалиме тяжела, летом городской воздух в основном мягок, но зимой, особенно ночами, довольно студено.

Спустя несколько месяцев я немного пришел в себя, мои метания поутихли, и я начал сочинять на сирийском церковные гимны, вдохновляясь небесным духом, парившим в этом месте и насыщающим его богобоязненностью. Переполюнявшие меня в то время чувства я выразил в коротком гимне:

Отсюда истекает небесный свет,
Рассеивающий сумрак земли и изгоняющий горе из душ, Отсюда
восстает солнце в сердцах
Блеском Спасителя,
Сияющего милостью над жертвенным крестом,
И что такое крест?
Это святой прямостоящий столп, рассеченный поперечиной
милости.
Давайте распахнем горизонты милосердия,
раскроем наши объятия и взойдем к святости.
Мы станем крестом, носящим его крест,
И последуем за Иисусом.

Спокойно, размеренно и легко текли дни мои в Иерусалиме. Минула зима сто сорокового года эры мучеников, или четыреста двадцать четвертого года от Рождества Христова. Город готовился отпраздновать день Святого Воскресения и Страстную неделю. Многочисленные караваны арабских торговцев прибывали в город и складывали свою поклажу на площади перед церковью. На полках доселе полупустых городских лавок рябило в глазах от разноцветья привезенных товаров. Жители принарядились. Чем ближе была Страстная неделя, тем сильнее билось мое сердце.

Накануне празднования поток приходящих ко мне больных увеличился. Многие из них заболели в дороге, особенно пожилые. Я лечил их кожными мазями и лекарствами, которые доктора называют «веселящими сердце», ибо они не столько выводили из больного принятую им пищу и питье, сколько бодрили его.

Среди многочисленных процессий, движущихся мимо меня по направлению к церкви, две – одна из Антиохии, другая из Мопсуэстии – отличались особой благочинностью. Десятки священников, монахов и дьяконов, облаченных в праздничные церковные одежды, шествовали важно и торжественно. Выступавший впереди человек нес красиво украшенный крест, края которого были покрыты золотом. Позади него на расстоянии семи шагов шел его преподобие толкователь Феодор², епископ Мопсуэстийский^[7]. За ними двигалась многочисленная толпа

² В этом месте на полях пергамента тонким почерком написано примечание на арабском: «Из тех чудес, что произошли

верующих и обращенных, декламирующих: «Осанна сыну Давида, осанна Всевышнему... Благословенны живущие во имя Господа».

Захлебываясь от восторга, я смотрел через окно кельи, как процессия влилась в большие церковные ворота. Мне казалось, будто это ангелы, спустившиеся на землю с небес. Только священников было больше двадцати, дьяконов – почти сотня, а число толпящихся за ними мирян вообще не поддавалось счету. Епископ Феодор выглядел усталым, но счастливым. Я захотел присоединиться к этой процессии и вышел на улицу. Приблизившись к епископу Феодору со склоненной голо-

вой, я поцеловал его руку, а он в ответ поцеловал меня в голову, как до того целовал человека курдской наружности, одетого как дамаскинец. Несмотря на молодость, я не отличался особой смелостью. Только небо знало, что творилось у меня в душе! Неведомым небесным промыслом порадовал меня Господь спустя два дня, устроив встречу с епископом там, где я совершенно не ожидал...

Утром ко мне пришли священник из Антиохии и два дьякона. Они попросили меня пройти с ними в резиденцию епископа в восточной части города, так как он якобы недомогал. Так они сказали. Я с учтивостью поинтересовался: неужели в их посольстве нет врача? Один из священников ответил, что у них есть церковный врач, и затем так же учтиво и спокойно добавил: «Священник Несторий хотел бы доподлинно убедиться в том, что здоровье почтенного епископа Феодора в порядке».

Тогда я впервые услышал имя Нестория и в тот же день первый раз увидел его. Набив карманы бодрящими травами, разными сердцеекряющими снадобьями и семенами для приготовления лекарств, я плотно запер дверь кельи и пошел с ними, радуясь предстоящей встрече с антиохийским священником. На мне была ряса иерусалимского монаха, которую мне с месяц назад подарил добрый покровитель в знак признания меня братьями. Где-то через полчаса наши накидки под жарким полуденным солнцем стали мокрыми от пота.

У входа нас встретил еще один священник из Киры, предложивший нам холодную воду, да помилует его Господь. Когда мы вошли внутрь резиденции епископа,

я внезапно почувствовал, что стою на пороге какого-то великого события. Мы миновали длинный проход, в конце его, справа, была дверь, из-за которой до меня донесся степенный спокойный голос.

– Благословенный доктор и почтенный отец, его блаженство епископ Феодор беседует с гостями. Не желаешь ли войти или предпочтешь дожидаться, пока он не выйдет? – вежливо спросил меня мопсуэстийский священник, и я попросил разрешения войти в покои, откуда слышался голос. Он склонил голову в знак согласия и учтиво и мягко распахнул передо мной дверь.

В просторной комнате царил полумрак, потолок был покрыт пальмовыми ветвями, отчего воздух казался прохладным. В центре находилась смоченная водой циновка, увлажняющая проникавший внутрь ветерок, а вдоль стен были разложены войлочные подушки, облокотясь на которые сидели разные достойные люди: монахи, священники и дьяконы, числом около сорока. Судя по внешнему облику, большинство из них были с севера. Их кожа была белой, а бороды желтоваты и подернуты сединой, так что я даже несколько сконфузился из-за своей смуглости, бедности и растрепанной неподстриженной бороды, совсем не приличествующей ученому доктору. Я присел на свободное место возле двери.

со мной: два дня назад во сне я увидел его преподобие епископа Феодорита-толкователя, благословившего меня на путешествие в Иерусалим. Он повелел мне оставаться там до конца моих дней. Епископ – единственный из отцов нашей церкви, чьи труды мы по-прежнему чтим в наших монастырях: его толкование Святого Евангелия и Деяний апостолов. Он писал на греческом, но впоследствии его труды были переведены на язык арабов, среди которых мы сегодня обретаемся и на языке которых говорим...»

В центре на старинном деревянном кресле с подлокотниками восседал епископ Феодор. Он никак не отреагировал на мое появление. Я стал прислушиваться к разговору, пытаюсь постичь его смысл. Вдумчивые речения сами собой входили в мое сердце и разум. Я многое запомнил из той беседы, а вернувшись вечером к себе в келью, записал услышанное. Я перевел гречес-

кий язык епископа, говорившего так: «Отсюда, возлюбленные братья, из этой Святой земли, куда мы прибыли на поклонение, настали времена нового человека, ибо Иисус Христос стал водоразделом хода времен. Он возвестил приход второго века человечества. Первая эпоха началась с Адама, а вторая – с Иисуса Христа. У обоих времен есть своя сущность и законы, извечно ведомые нашему милостивому Богу. Отец Небесный сотворил Адама по своему образу, дабы он жил вечно. Но Адам поддался козням дьявола, восстал против своего Святого Отца, вкусив плод запретного дерева, возомнив, что сам сможет стать Богом. Совратил его своими наущениями проклятый Азазель, и Адам впал в грех и был изгнан из рая по велению Святого Бога Отца. Однако поскольку Отец по милости своей любит человека, сотворил Он его изначально безвинным. Он не пожелал оставить его с печатью первого греха навечно. Возобладала милость Господня, и послал Он своего единственного сына, Иисуса Христа, в полном человеческом обличье, чтобы спасти человека и избавить мир от Адамова греха, жертвой своей начать новую эру человечества. И были посланы нам после Него праведные ученики, донесшие до нас Евангелие. А что означает слово “Евангелие”? Как говорил святой Иоанн Златоуст^[8], это благовествование, ибо Евангелие – это радостная весть об избавлении от наказания и отпущении грехов, оно – очищение, посвящение и небесное наследование. Им посрамлен Азазель, а мы благословенны надеждой».

В просторной зале голос епископа Феодора звенел, и всех сидящих охватило благоговение, глаза присутствующих неотрывно смотрели на епископа, и я тоже не мог оторвать от него свой взор. Внимая изысканным оборотам его речи, проникающим в мое сердце и разум и избавляющим дух мой от тревоги сомнения, я вдруг почувствовал сожаление, что не у него учился богословию. Я на минуту отвлекся, но затем снова стал прислушиваться к тому, что рассказывал епископ Мопсуэстии, славного города в самом центре Анатолии. Его голос, обращенный к благородному собранию, возвысился и стал еще более проникновенным:

– Обратите внимание, возлюбленные мои, на проповеди Иисуса Христа и внимайте радостным словам, сохраненным для нас в Евангелии святым Матфеем. Он неустанно повторяет нам: «Благословенны кроткие, ибо наследуют они землю, благословенны печальющиеся, ибо они утешатся...»^[9] Было ли до Мессии ниспослано нечто подобное? Столь же радостное откровение? Так знайте же, что Мессия пришел для нас, и мы должны жить во имя Его. Его воплощение, муки, смерть и воскресение – это победа над дьяволом и искупление за падение первого человека, соблазненного и согрешившего. Наша вера в Мессию – это уход из эпохи греха в мир избавления, дарованный нам по воле Господа. Так будьте же, братья, христианами и призывайте народ ваш к вере, чтобы люди вместе с вами стали настоящими детьми Божьими в новое время человека. Перейдите по мосту страданий Иисуса, чтобы стать такими же совершенными, как ваш Небесный Отец. Знаком вашего перехода станет крещение. Крещение – это рождение. Это торжество духа над бренностью тела, восхождение к благодати и слияние с Мессией. Крещение – это избавление и новое творение, познайте же его тайну своими сердцами.

Когда епископ произнес слово «крещение», меня охватила легкая дрожь, но этого никто не заметил, кроме одного священника лет сорока с красивым лицом, сидящего справа от епископа. Я уже знал, что именно он попросил пригласить меня. Он был известным в Антиохии духовным лицом, родом из Мараша^[10], его церковное имя было Несторий. Он считался одним из любимейших учеников епископа Феодора и одним из самых искусных толкователей Евангелия.

На закате солнца мопсуэстийского епископа начала одолевать усталость, его голос стал глуше, а речь более размеренной. Когда он завершил свою проповедь, слушатели были охвачены таким духовным трепетом, что, казалось, его слова вознесли их высоко до небес. Последним, что он сказал, было:

– Мы были просто смертными, когда Адам приговорил всех нас к гибели, допустив грех непослушания своего Создателя, а дьявол остался бессмертным. Когда Господь явился нам в Мессии, на нас снизошла Божественная благодать, нам представилась возможность избежать гибели и смерти покаянием... и вступлением в мир спасения через крещение.

Какой-то пожилой священник, по виду араб, сделал движение, как будто хотел что-то сказать. Епископ Феодор обратил на него взгляд, как бы приглашая, и тот задал уточняющий вопрос:

– Но как переходит на нас Адамов грех неповиновения Всевышнему? В чем же наш грех, ведь мы не совершали подобного проступка?

Улыбнувшись, епископ так ответил на это:

– Мы творим многие иные прегрешения, помимо греха вкушения плода запретного дерева. Мы делаем это, мы – дети Иисуса, но не потому что мы унаследовали Адамов грех, а потому что переняли от него способность грешить и готовность совершать грех. Это долгий разговор, достопочтенный отец, мы поговорим об этом подробно на следующем собрании...

Несторий поднялся, давая понять, что беседа окончена. Собравшиеся обступили епископа Феодора со всех сторон для целования руки. Я увидел, как Несторий взял епископа под руку и увел от толпы в его покои. Когда епископ проходил мимо, то с явной благосклонностью посмотрел в мою сторону, словно давно меня знал. Я смутился.

Спустя час я все еще оставался вместе с другими монахами и священниками в большой зале, где нас угощали замечательными фруктами, которые приносят деревья на севере. Наконец меня позвали.

Епископ Феодор не страдал какой-либо болезнью, просто ему в ту пору исполнилось семьдесят четыре года и тяготы паломнического путешествия утомили его. Я понял это еще два дня назад, когда он торжественно прошествовал мимо меня во главе процессии. Однако я не спешил сообщить ему о своем заключении относительно его состояния, но стал пользоваться его с должным вниманием и уважением. Я почтительно взял его руку и поцеловал ее. Затем стал прощупывать его пульс, который был довольно слаб. Я достал кое-какие из припасенных трав, ускоряющих ток крови и улучшающих работу сердца, и попросил приготовить их на медленном огне, затем охладить и пить в таком виде. Несторий дал знак одному из дьяконов, стоящих возле двери, и тот поспешил выполнить мою просьбу. Какое-то время мы все молчали. Потом вошел служка, принеший стакан, Несторий принял у него снадобье и попробовал его прежде, чем передать епископу.

– Ну, как на вкус, дорогой Несторий?

– Неплохо, Твое Блаженство, – и сладкое, и ароматное, надеюсь, это лекарство подействует, по воле Господа.

Епископ обрадовался, и черты лица его смягчились. Он уселся поудобнее и, перед тем как пригубить лекарство, сказал:

– Да будешь благословен ты, Несторий, и ты, отец лекарь. Как тебя зовут?

– Гипа, Твое Блаженство.

– Странно. А почему говорят, что ты египтянин, – это ведь не египетское имя?

– Меня стали так называть после Александрии, отец мой.

– А как ты там оказался?

С величайшей предупредительностью вмешавшийся в разговор Несторий поинтересовался, не желает ли епископ немного отдохнуть. Феодор с приятной улыбкой и по-дружески шутливо ответил на это:

– Оставь свою отеческую заботу, Несторий. Мой отец скончался уже очень давно, и я скоро воссоединюсь с ним. Дай мне послушать историю этого лекаря-монаха. Он мне нравится. У него в глазах искренняя пылкость. Это напоминает мне задор, который я наблюдал во взгляде моего духовного брата Иоанна Златоуста, когда мы были детьми.

Несторий наклонил голову в знак послушания и, намереваясь оставить нас наедине, произнес негромким голосом:

– Как пожелает Твое Блаженство. Гипа, я буду ждать тебя в большой зале после того, как вы закончите разговор.

– Нет, Несторий, останься с нами, а ты, Гипа, расскажешь мне, где родился и как оказался в Александрии.

Несторий дал знак стоящим у двери дьяконам и слугам, и все они удалились. Наш разговор не прерывался до тех пор, пока не вошел слуга с подносом угощений на ужин, который он поставил на столик справа от кровати епископа. Феодор ослабил пояс и пригласил нас ближе к столу, заметив иронично Несторию по-сирийски:

– Быть может, эти яства станут для меня последней вечерей.

– Да продлит твои годы милостивый Господь наш, отец мой. Мы всегда будем в тебе нуждаться.

Стесняясь, я все же присоединился к их трапезе. Блюда были изумительны. Когда я стал их наваливать, Несторий подначил меня:

– Это благословенная пища, приготовленная на огне литургических песнопений и приправленная псалмами.

Мы весело рассмеялись его шутке. Епископ вновь повернулся ко мне, приглашая закончить рассказ. До этого я успел поведать ему о том, что родился в деревне на юге Асуана, что учился в Наг Хаммади и Ахмиме. Разумеется, я ни словом не обмолвился о той трагедии, что случилась со мной у берегов острова Элефантина^[11], какие ужасы происходили на моих глазах в Александрии и к каким разрушениям они привели в день «Великого страха». Епископ был внимателен и слушал с вежливым интересом. Он улыбался, а я не собирался огорчать его живописанием сцен насилия и рассказами о сутки не прекращавшейся резне. Прожевывая поданный Несторием кусок лепешки, пропитанной оливковым маслом и посыпанной горным тимьяном, епископ спросил меня:

– Ты изучал логику, сын мой?

– Да, Твое Блаженство, я изучал ее в Ахмиме у одного человека, не христианина, выходца из окрестностей Асьюта. Он был знатоком древней философии, причем выдающимся.

– А это естественно, сын мой, – из тех краев происходили великие философы. Ты понимаешь, Гипа, кого я имею в виду?

Немного поколебавшись, я ответил до крайности учтиво, как требовал того его епископский сан:

– Нет, Твое Блаженство, не понимаю.

– Скажи ему, Несторий.

– Его Блаженство имеет в виду Плотина^[12].

– Да, отец мой Несторий, правильно.

Несторий, наблюдавший за мной краешком глаза, усмехнулся, дав понять, что он прекрасно понимает: я уклонился от прямого ответа из уважения к епископу. Сконфузившись, я опустил голову и сделал вид, что рассматриваю пальцы у себя на ногах. Епископ Феодор ничего этого не заметил: он сидел, устремив взгляд на потолок. Мне начало казаться, что он беседует сам с собой или со своим старинным другом Иоанном Златоустом, когда епископ вдруг произнес:

– Я много думаю о Плотине и о Египте. Там, а не здесь находятся многие корни нашей веры. Там было положено начало отшельничеству и мученической смерти за веру. Оттуда был

позаимствован символ креста и оттуда пришло евангельское слово... Даже Святая Троица – впервые эта идея с предельной ясностью была сформулирована именно Плотинем, который говорит об этом в своих «Эннеадах».

Повинуясь внезапному порыву, я, сам того не желая, прервал речь епископа:

– Нет, отец мой, Троица, по философу Плотину, – это Единое, Божественный Ум и Миротворящая душа, а в нашей небесной божественной вере это Отец, Сын и Святой Дух, и различие между этими двумя толкованиями очень большое.

– Полегче, монах, нельзя перебивать Его Блаженство епископа! – резко осадил Несторий мой неожиданный порыв, в котором не было никакого умысла. Впрочем, это не убавило симпатии ко мне епископа Феодора: он внимательно посмотрел на меня с прежней улыбкой, в которой теперь стали заметны изумление и усталость.

Епископ положил руку на мое плечо, благословил меня, осенив мою грудь крестом, и направился в опочивальню. Мне оставалось только откланяться, бормоча извинения. Я мечтал, чтобы меня поглотила земля, дабы избавиться от застенчивости.

– Ничего, Гипа, молодости свойственна порывистость, мы в твоём возрасте тоже легко зажигались. Несторий, дорогой, проводи этого доброго монаха и будь к нему снисходителен – он мне понравился.

– Не беспокойся о нём, отец мой. Я провожу его до ворот церкви Воскресения, все равно я собирался пойти туда на вечернюю молитву и службу.

– Да благословит тебя Господь, Несторий.

Когда мы вышли из трапезной, к нам присоединились два дьякона и какой-то тщедушный человек лет сорока, которого я принял за одного из слуг епископа Антиохии. Они следовали за нами, не произнося ни слова. Несторий приглушённым голосом читал молитвы, а я смущённо молчал. Вдруг посреди дороги он обратился ко мне с вопросом:

– Гипа, а ты читал «Эннеады» Плотина?

Я ответил со всей осторожностью:

– Да, отец мой. Я несколько месяцев изучал этот труд в Наг Хаммади. У меня даже есть его копия, которой больше сотни лет.

– Очень хорошо, я бы хотел взглянуть на нее.

Ответ Нестория успокоил меня и развеял мою подозрительность. Я не прочь был продолжить беседу и поэтому сказал, что храню книгу в келье, а затем, немного поколебавшись, добавил:

– У меня есть и другая книга, на которую ты, возможно, тоже захочешь взглянуть. Может быть... Это работа Ария «Пир»^[13].

– «Пир»! Мы изучали эту поэму в Антиохии давным-давно! Я думал, что наша копия – единственная, уцелевшая после костра. В любом случае дай мне на нее посмотреть. Она полная?

– Да, отец мой, записана по-коптски на папирусе.

– На коптском! Удивительно... А на скольких всего языках ты читаешь, Гипа?

– На четырех, отец мой: на греческом, арабском, коптском и арамейском. Мне ближе всего арамейский, потому что на нём говорил Иисус.

– Мы называем его не арамейским, а сирийским, это позволяет отделить благословенное христианское время от более раннего, языческого и еврейского.

– Я согласен с тобой, отец мой, на этом языке уже не говорят, хотя он еще сохраняется кое-где, но уже совсем не в том виде. Слова Иисуса Христа изменили его, и он уже не такой, какой был раньше, – теперь это святой язык.

– Твоя правда, Гипа, все верно, сын мой...

Он разговаривал со мной по-дружески, и я решил, что могу быть менее настороженным. Я бы очень хотел, чтобы наша беседа продолжалась всю ночь. Мы переговаривались, перейдя

с узких улиц на широкую дорогу, пока не уперлись в просторную площадь, на которой стояла большая церковь с высокими куполами, похожая на сон, окутанный темным ночным покрывалом с вытканными на нем великолепными весенними звездами. Невдалеке виднелась моя келья. Немного помолчав, Несторий произнес:

– Да хранит тебя Господь, Гипа. Что касается слов господина нашего Мессии – а нет ли у тебя копии Евангелия от Фомы^[14]?

– Да, отец мой, у меня есть один старый египетский список, и Евангелие Иуды^[15], и Книга Тайн^[16]... Я люблю собирать книги.

Почтенный Несторий улыбнулся и заметил, что я храню запрещенные книги. На это я ответил, что раз-

решенные книги можно найти в церкви или каком другом месте, и он рассмеялся. Я решил воспользоваться удачным стечением обстоятельств и пригласил его в свою келью после вечерней молитвы в церкви Воскресения. Мое предложение ему понравилось, и он согласился, чему я очень обрадовался. Я не знал тогда, что эта случившаяся поутру встреча полностью изменит мою жизнь, что мне придется оставить Иерусалим и уехать на север, в этот уединенный монастырь, находящийся так далеко от моей родины...

* * *

Вдохновленные возникшей симпатией и взаимопониманием, мы вернулись из церкви. Я открыл келейную дверь и, запалив выдавший виды светильник, висевший в правом углу, предложил высокому гостю устраиваться. Через единственное приотворенное окно в келью врвался прохладный ветерок. На небе не было ни облачка. Несторий долго разглядывал лик Девы Марии, висевший над моим ложем, но не произнес ни слова... Затем, осмотрев убранство кельи, сказал:

– Чисто у тебя и прибрано, Гипа, это многое говорит о человеке. А где книги, о которых ты мне рассказывал?

– Под топчаном, на котором ты сидишь, отец мой.

– Зови меня по имени, Гипа, все мы братья... Все мы лишь бедные овцы в овчарне нашего Господа.

– Но ты, отец мой, ближе к пастырю. Да не обделит тебя Господь своей бесконечной и вечной милостью!

Несторий рассмеялся и встал, чтобы я смог скатать тканый дамаский многоцветный ковер из верблюжьей шерсти, служивший мне подстилкой, под которой хранились книги и папирусные свитки. Разложив их на полу, я поднял с топчана доску и достал схороненную под ней свою сокровищницу. Несторий подошел к окну и, окликнув своих сопровождающих, приказал им возвращаться в трапезную.

– Похоже, мне предстоит провести у тебя всю ночь, Гипа.

– Меня это радует, благородный отец мой.

Все время, пока Несторий бережно перебирал содержимое моей сокровищницы, я внимательно изучал черты его прекрасного и благородного лица, готовя для нас обоих теплый напиток из благоуханной горной мяты и блюдо из фиников и сушеного инжира. Во всем облике этого человека сквозили благородство и природная красота, цвет его больших глаз был золотисто-зеленоватым, в них проглядывали ум и страстность. На бледном лице пробивался легкий румянец, а в аккуратно подстриженной бороде – мягкая желтизна. Макушку венчали редкие белые волосы. Весь его вид отличался какой-то божественной чистотой, которую так нечасто можно видеть у монахов, кем бы они ни были – старшими или младшими.

Я поднес ему чашу с мятным напитком и поправил фитиль светильника, чтобы тот давал больше света. Затем сел на тахту напротив превращенного в тайное хранилище топчана, рассматривая довольное выражение одухотворенного лица Нестория. В нем я угадывал тот образец божественного отпечатка, который и должен отличать человека веры. Когда он, в изумлении покачивая головой, наконец заговорил, я подвинулся к нему, весь обратившись в слух.

– Речи Цицерона! Какой же ты хитрец, египетский монах! Ты такой же любитель изящной словесности, как и мы... А что это здесь, в большом кожаном переплете? «О граде Божьем»^[17]!

– Да, благородный отец мой, книга епископа Августина. Здесь обе части, и первая, и вторая. После нее он больше ничего не написал.

– Я знаю, Гипа, знаю. Но я удивляюсь: как она к тебе попала?

– Паломники, благородный отец мой, паломники приносят с собой все новое и все старое. Иногда дарят мне книги, иногда продают. Но эта книга не из новых. Ее первая часть датируется четыреста тринадцатым годом после Рождества Спасителя нашего Мессии... Ей уже лет десять.

Он спросил, знаю ли я предысторию сочинения этого труда, я вежливо ответил, что мне она не известна, и попросил его оказать любезность и сообщить об этом. Несторий повернулся ко мне, одарил светлой божественной улыбкой и стал рассказывать о том, что я знал и ранее, но не понимал связи между происходившими событиями. Так он говорил мне:

– Августин – человек благословенный, до него в африканском епископате не было никого, кто мог бы с ним сравниться. В городе Гиппоне^[18] никто не мог соперничать с ним в учености и трудолюбии. Но в конце концов, потратив большую часть своей жизни на солдатское ремесло и поучаствовав во многих сражениях, он пришел к служению Господу. В четыреста десятом году от Рождества Христова, когда Рим потерпел сокрушительное поражение и был захвачен готами, они, вопреки ожиданиям, не стали его разрушать. Рим, как ты знаешь, был столицей мира и Вечным городом. Когда же рушится брэнная вечность, возвышаются небеса. И в противовес падению града человеческого слава переходит к Божьему граду... Епископ Августин три года размышлял над этим временным унижением Рима и благословил его вековечное падение. Именно это он хотел сказать, предпослав такое название своему труду: что град Божий никогда не падет так, как был ниспровергнут город человеческий, удел которого – быть поверженным. И кроме того, он хотел очистить христианство от невежественных обвинений в том, что именно оно было причиной страшного поражения Рима.

Затем Несторий поинтересовался остальным содержимым моего тайного хранилища. Я показал ему мешок, в котором хранил египетские тексты. Он спрашивал о названиях коптских книг и папирусных свитков, и я отвечал, порой даже упреждая его вопросы. Он долго изучал коптский перевод маймора^[19] о путешествии Святого семейства, написанной александрийским епископом Феофилом^[20], и на его лицо легла печаль, а глаза приобрели отсутствующее выражение. Я не мог понять, что так расстроило Нестория, и спросил, чтобы отвлечь его от мрачных мыслей:

– Маймор о путешествии Святого семейства – известная книга в Египте. Ты видел ее греческую первооснову, отец мой?

– Я видел, но на самом деле задумался о поступках этого епископа. Как мог он рассуждать о Госпоже нашей, Достославной Марии, пользуясь слухами и домыслами, и утверждать при этом, что все, что написано, – правда лишь потому, что он якобы видел ее во сне?... Хм, а это у нас что такое? Что это за древние свитки на коптском? И что это на них за рисунки?

Я возблагодарил Господа в душе, поскольку разговор явно выходил за рамки обсуждения жития епископа Феофила и его писаний. Я по-прежнему вздрагивал всякий раз при упоминании об александрийских монахах и поторопился ответить на последний вопрос Нестория:

– Ничего особенного, отец мой. Эта книга называется «Главы о выходе к свету дня»^[21], которая рассказывает о Дне Воскресения и о том, что должны свидетельствовать о себе смерт-

ные в присутствии богов, по мнению древних египтян... Здесь изображения древних божеств, очень старые.

– Да, прекрасные картинки. А что это за человек, вращающий гончарный круг?

– Его зовут Хнум^[22], отец мой. Древние считали, что он сотворил человека из гончарной глины, после чего вдохнул в него жизнь. Очень архаичное верование, отец мой. Очень древнее...

– Хнум – какое необычное имя. Оно что-нибудь напоминает тебе, Гипа?

– Да, кое-что напоминает... Но как ты догадался, достопочтенный отец мой?

– Я услышал, как забилося твое сердце, и заметил, как наполнились слезами твои глаза.

* * *

До того дня никто не догадывался о моем истинном «я», и я не доверялся никому. Но той ночью я рассказал Несторию о храме бога Хнума, стоящем лицом к Нилу на южной оконечности острова Элефантина, что на юге Египта, недалеко от Асуана. Я поведал ему о древнем величии и святости, которыми были наполнены все приделы и даже ограда этого храма с древнейших времен. Я рассказал ему о своем отце, каждые два дня приносившем рыбу скорбным жрецам, годами не покидавшим пределов святилища. Жрецам, замурованным и скорбящим на обломках своей веры после распространения христианства. Отец всегда брал меня с собой, когда посещал храм, чтобы отдать жрецам половину всего, что попало в рыбачьи сети. Мы подходили к храму, исполненные благоговейного почтения, обычно на заре, чтобы нас никто не заметил.

Я был не в силах сдержать слез, описывая панический ужас, который я, девятилетний мальчик, пережил в то страшное утро, когда на нас из засады прямо у ворот храма набросились приплывшие к южной пристани христиане. Они прятались за скалами у ближайших мостков – и вдруг побежали прямо на нас, как демоны, вырвавшиеся из мрака преисподней. Мы еще даже не успели испугаться их устрашающего вида, как они, выскочив из укрытия, уже окружили нас. Они вытащили отца из лодки и отволокли к камням, чтобы зарезать его своими ржавыми ножами, спрятанными под рваной одеждой. Отцу негде было укрыться, он кричал, призывая своего бога, в которого верил, а они резали его ножами. Меня, скорчившегося на дне лодки, трясло. Жрецы Хнума, в ужасе от раскалывающих небеса воплей, вскарабкались на самую высокую стену храма, наблюдая оттуда за творящимся внизу кошмаром и насилием. Они воздели руки к небу, молясь своим богам и причитая. Им было не понять, что боги, которым они поклонялись, уже давно умерли и их громкие мольбы напрасны – не осталось никого, кто мог бы им внемлить... Мой отец не сделал ничего плохого ни одному из тех изуверов... И никто с того памятного утра не мог понять всю глубину моих мучений...

– Бедняга... а тебя в тот день касался кто-нибудь из этих заблудших?

– Лучше бы они меня убили, я бы так не мучился. Нет, отец мой, они меня не тронули, а лишь злобно посмотрели в мою сторону, словно утолившие жажду крови волки. Они вытащили из лодки корзину с рыбой и швырнули ее к воротам запертого на засов храма, а сверху бросили растерзанное тело моего отца. Его плоть, кровь и пойманная им рыба перемешались со священной землей, осквернив ее. В победном жесте они подняли вверх руки, вымазанные кровью отца, а затем стали грозить наблюдавшим со стен жрецам окровавленными ножами. Ликуя, они выкрикивали «Слава Иисусу Христу! Смерть врагам Господа! Слава Иисусу!...».

Я разрыдался. Несторий подошел, прижал меня к груди, и я уткнулся в нее, как маленький. Затем он присел рядом, глядя меня по голове, и несколько раз перекрестил мой лоб, повторяя при этом: «Успокойся, сын мой...» Потом он произнес:

– Сын мой, наша жизнь полна страданий и грехов. Эти заблудшие хотели насилием покончить с насилием, гонениями избавиться от гонений, а ты оказался просто жертвой. Я

знаю, горе твое велико, давай же помолимся Господу милосердному о милости Его. Встань, сын мой, и давай вместе вознесем молитву о прощении.

– Что пользы в молитве, отец мой? Что умерло, то умерло, и никогда больше не вернется.

– Поможет молитва, сын мой... Поможет.

Я слышал дрожащий голос Нестория и когда оторвался от его груди, то увидел, что на его бороду стекали слезы, а глаза покраснели и наполнились печалью. Все его лицо выражало боль, и глубокая морщина прорезала лоб.

– Я причинил тебе страдания, отец мой.

– Нет, сын мой, не мне... Давай помолимся.

Мы молились, кладя поклоны перед ликом Девы Марии, пока чернота неба не сменилась светлой лазурью, а потом сидели в молчании.

Издаലെка до нас доносились крики петухов и щебетание птиц, спавших на ветках деревьев в церковном дворе. Наконец Несторий нарушил молчание, предложив прогуляться вокруг церкви.

– Да свершится милость Господня этим благословенным утром! – произнес он.

* * *

Пока мы ходили вдоль церковной ограды, взошла заря, ярким светом возвестив наступление утра, и мы направились в другую сторону, туда, где дома стояли так плотно друг к другу, словно это могло придать им дополнительную устойчивость.

Утренний свет утомителен для тех, кто бодрствует по ночам. Я видел усталость на бледном лице Нестория, и это угнетало меня и еще долгое время не давало покоя. Мы продвигались неспешно, и Несторий успел поведать мне несколько историй своего детства, проведенного им в городе Мараш, кое-что из своей юности, когда он жил уже в Антиохии, рассказал об отношениях между ним и его наставником Феодором Мопсуэстийским и о многом другом, что случилось с ним в жизни. В ту пору, которая так нечаянно сблизила нас в Иерусалиме, Несторию исполнился уже сорок один год. Я не стану пересказывать то личное, о чем он поведал мне в тот день, – поверять это бумаге было бы неправильно, да и непозволительно. Я понимаю, что, приоткрывая свои тайны, он хотел подбодрить меня, и напрасно было бы ожидать, что я стану пересказывать их в этих записках.

Заметив, что на улицах стали появляться люди, погруженные в повседневные дела, мы повернули обратно. У дверей кельи стояли трое антиохийских дьяконов, беспокойно оглядываясь по сторонам. Мы подошли к ним. Несмотря на то что Несторий был утомлен нашим долгим ночным разговором, он нашел в себе силы улыбнуться и, прощаясь со мной, произнес:

– Быть может, ты присоединишься к нам за обедом? А если не сможешь, я встречу тебя на церковной площади после вечерней молитвы.

Я вернулся в келью совершенно опустошенный и чуть не рухнул прямо у входа. Добравшись до постели, я растянулся на своем топчане и провалился в глубокий сон без всяких сновидений. Проснулся я лишь в полдень от гомона посетителей, толпящихся у церкви. Тело ломило, а душа была изнурена. На дрожащих ногах я кое-как добрал до кувшина с водой, сделал несколько глотков и ополоснул лицо. Через приоткрытое окно в комнату проникал свет, озаряя и мою душу. Я стал приводить в порядок свои сокровища, как вдруг меня потревожил негромкий стук в дверь и я услышал обращение, к которому уже привык в последнее время:

– Отец лекарь!

Постучавший, судя по облику, был арабским купцом. Он пришел с жалобой на то, что его левый глаз уже несколько лет слезится, а теперь то же самое стало происходить и с правым, поскольку жидкость не может скапливаться в одном месте и перетекает в другое по сосудам.

Я дал ему порошок против этой хвори и попросил зайти снова через два месяца. Через два месяца! Приходил ли он через два месяца и пытался ли отыскать меня?!

Араб спросил, сколько он мне должен. Я ответил, как обычно:

– Все мои подношения – у Бога. Если хочешь, можешь пожертвовать что-нибудь церкви.

Пришедший принялся меня благодарить и попытался поцеловать мне руку. Я выпроводил его, запер за ним дверь и вернулся к прежней работе – приводить в порядок свой тайник, раздумывая о внезапно постигшем меня озарении. Сложив книги и списки, я опять тщательно укрыл их под топчаном и принялся убираться в своей убогой келье. Когда уже стало смеркаться, я вышел на церковную площадь.

Хотя воздух не был жарким, я все равно старался держаться в тени колонн. Остановившись на своем привычном месте, в правом углу площади возле больших ворот, я прислонился к любимому тенистому дереву. Я чувствовал себя таким усталым, словно возвратился из долгого путешествия. Я закрыл глаза и представил, будто я и дерево слились в одно целое. Будто душа моя стала растекаться по его ветвям, проникла в ствол, устремилась вниз, к глубоким корням, а затем воспарила. Будто дух мой трепетал вместе с колышущейся листвой, и с каждым отрывающимся и падающим вниз листочком отрывалась и частичка меня. Внезапно мне вспомнилось, как в Ахмиме я читал жизнеописание Пифагора, где он говорил, что в минуты озарения часто видел перед собой события прошлой жизни, в которой дух его являлся в виде дерева^[23]. В тот миг я вдруг почувствовал, что хотел бы стать таким же деревом, под которым сидел: не плодоносным, в которое бросают камни, а пышнозеленым и дающим тень. Местная земля бесплодна и суха. Если бы я был деревом, то стал бы приютом для всех утомленных и своими ветвями укрывал тех, кто приникал бы ко мне в поисках прохлады. Моя тенистость была бы для них бескорыстным даром. В тот день я молился за всех, кто был вынужден оставить свой дом и отказаться от самого себя!.. «О милостивый Боже, – воззвал я в душе, – возьми меня к себе, избавь от брэнной плоти! Сделай меня этим прекрасным деревом и очисти мой дух, позволь каждый день укрывать страждущих и очищать их от грехов Твоим светом! Зимой я ждал бы дождя Твоей любви, каждое утро вдыхал бы аромат росы, которой одаривала бы меня ночная прохлада, и не было бы у меня другой заботы, кроме как петь Тебе осанну... Воистину, дерево чище человека и милее Богу. Стань я таким деревом, я укрывал бы тенью горемычных...»

– Гипа, ты спишь?

Я очнулся и возрадовался, увидев присевшего рядом Нестория. Я выпрямился и потряс головой, чтобы убедиться, что действительно не сплю. На сирийском, а не на привычном для него греческом, явно стараясь развеселить меня, он участливо поинтересовался:

– В какой пучине мечтаний погряз ты, египетский врачеватель?

– Отец мой, иногда меня одолевают странные грезы. Например, сейчас я вообразил себя этим деревом, в тени которого мы сидим.

– И откуда, сын мой, тебе в голову приходит подобное?

– Откуда-то из глубины, из далекого прошлого. Что-то такое говорил Пифагор...

– Пифагор!.. Сын мой, да это же древнее языческое представление!

В присутствии Нестория меня всегда охватывала какая-то растерянность. Поняв это, он решил развеять мое смущение. Положив мне на макушку свою благородную ладонь, он стал негромко читать какой-то псалом, а затем прикрыл глаза и перекрестил мою голову, покрытую клубком с вышитыми крестами. А когда Несторий шепотом, будто призывая ангелов, произнес: «Да будешь благословен ты, Гипа, светом Господним!», на меня снизошел покой.

– Отец мой, ты думаешь, что все язычество – это зло?

– Бог не сотворил зла... не творит его сейчас... и не терпит его. Бог – это только добро и любовь. Но человеческие души уже давно сбились с пути, когда возомнили, что довольно лишь одного разума для познания истины, что можно обойтись без небесного спасения.

– Прости меня, почтенный отец, но Пифагор был праведным человеком, хотя и жил в языческое время.

– Это возможно. Раньше, до ниспослания благой вести Христа, также было время Господне, и солнце Господне также освещало и добро, и зло. Кто знает, может быть, Бог возжелал подготовить человека к появлению Мессии через несколько озарений и свидетельств? Чем ближе становилось время Его прихода, тем больше являлось знаков Его пришествия, пока не появился главный – Иоанн Предтеча – глас вопиющего в пустыне.

Меня поразили слова Нестора. В них я почувствовал ответ на так долго терзавший меня вопрос: какова связь между Иисусом Христом и Иоанном Предтечей, Крестителем Господним. Как можно было забыть, что человек Иоанн крестил Мессию – Бога, сына Божьего, образ Божий и посланника Божьего во всех его ипостасях!

– Господин мой, а ты веришь, что Иисус – Бог? Или он посланник Бога? – спросил я Нестория.

– Мессия, Гипа, рожден от человека, а человек не может порождать богов... Мы утверждаем, что Дева Мария родила Господа. Мы стали поклоняться ребенку, которому исполнилось всего несколько месяцев, потому что ему поклонились волхвы!.. Мессия – это чудо Господне, человек, которого явил Он нам через Себя, воплотился в Нем, чтобы Он стал благой вестью и приметой наступления нового века человеческого. Именно об этом говорил епископ Феодор во время проповеди, на которой ты впервые встретился с ним. Кстати, отчего ты так затрепетал, когда епископ упомянул о таинстве крещения?

– У тебя приметливый взор, отец мой!

– Это не ответ, – насмешливо произнес Несторий, словно желая поддеть меня и вызвать на откровенность.

В действительности мне было нетрудно вверить ему одну из своих самых больших тайн. Удивление вызывало лишь то, что мои признания, похоже, не казались ему чем-то необычным. Я хотел объяснить, что сомневаюсь в назначении крещения. Моя мать клялась, что окрестила меня еще в младенчестве, отец же отрицал это. Я помню, что в раннем детстве не посещал церковь, поэтому утверждения отца казались ближе к истине. Мне не хотелось, чтобы Несторий знал, что я сам принял решение креститься после отъезда из Александрии. И я ответил так:

– На самом деле, отец мой, я не был крещен в детстве...

Я думал, что его удивят эти слова, но поразил меня он, произнеся совершенно спокойно:

– Ничего, так или иначе, ты сделал или сделаешь то, что угодно Господу. Но как ты стал монахом, если сомневаешься в таинстве крещения?

– Я провел несколько лет в главном соборе Ахмима, где один просвещенный священник посчитал, что я достоин монашеского чина, он и посвятил меня, когда я попросил его об этом. Он ничего не знал о моих сомнениях в крещении, потому что многое из детства я позабыл или притворился, что позабыл.

– Это не страшно, Гипа. Очень многие, не ты один, крестились достаточно поздно. Некоторые из них сегодня уже епископы, например Амвросий, епископ Миланач^[24], Нектарий, епископ Константинопольский^[25] – они крестились в тот день, когда были рукоположены в епископы. Сам Константин^[26] – император – крестился лишь на смертном одре, а ведь его называют возлюбленным Бога, защитником веры и заступником Христа!

Я обратил внимание, что, перечисляя христианские имена, которыми был наречен император Константин, Несторий как будто иронизирует. Мне захотелось понять причину этой иронии, и я самонадеянно заявил, что знаю о том, что моему собеседнику известно больше, чем он говорит. Что этот император сослужил огромную службу христианству и мы по сей день живем в его тени, что последователи нашей веры в ту эпоху были немногочисленны и малоизвестны – они едва составляли десятую часть имперских подданных. Но со временем стали

большинством среди населения империи, как на востоке, так и на западе. Это произошло всего лет сто назад, когда этот император стал во главе вселенской церковной общины.

– Я имею в виду, отец мой, Никейский собор, осудивший Ария за его утверждения, что Мессия – лишь человек, а не Бог, и что Бог один и не имеет сотоварищей в своей божественности.

– Гипа, все это полуправда! Что ты хочешь у меня выведать? Ты хороший врач, да еще монах, сомневающийся в крещении!

Из уклончивого ответа я понял, что не сумел спровоцировать Нестория и тот не хочет распространяться на темы, которые среди людей нашей веры почитаются неподобающими для обсуждения. Меня распирало от желания узнать его мнение об Арии: о нем говорили разное, а Александрийская церковь ненавидела его больше, чем самого дьявола. Но Несторий попытался охладить мой пыл, переведя разговор на другую тему, – поинтересовался, доволен ли я своим пребыванием в Иерусалиме. Но я не поддался и умоляюще спросил, что тот думает о деле Ария и его идеях.

– Расскажи мне, уважаемый отец мой, что произошло на самом деле, ведь взгляд твой зорек, сердце богобоязненно, дух светел, а разум искателен! Я так хочу узнать все об этом великом деле, что не сплю ночами.

– Изволь. Но сначала давай дойдем до нашей резиденции, меня беспокоит состояние епископа Феодора. Так и быть, раз уж ты просишь, расскажу тебе об Арии по дороге.

Мы не сразу отправились к дому епископа, а, выйдя из церковных ворот, сначала пошли направо, к высокой ограде, затем пересекли большую площадь, тянущуюся от церкви до жилых кварталов у восточной городской стены. Эта часть города достаточно спокойна и малолюдна, поэтому здесь не так шумно. Мы двигались неспешными шагами, часто останавливаясь, чтобы Несторий смог перевести дух, объясняя мне какие-то отдельные тонкие моменты. Так мы бродили около часа или более, и в течение этого времени он рассказал мне то, что я не отваживаюсь поверить бумаге в эти темные и смутные времена.

Я отправляюсь спать.

* * *

Сон – это дыхание Бога, которым Он очищает мир от безумия. Когда вся вселенная засыпает – она очищается. Не дремлют лишь наши грехи и воспоминания, которые никогда не успокаиваются. В моем очистительном сне меня посетили пронзительно реалистичные видения. Не все ли, что со мной происходит, истончается и блекнет, превращаясь в видения? Я вижу души умерших близких так отчетливо, будто они рядом. Может, мне доведется умереть во сне или в церкви во время молитвы? Я думаю, именно боязнь кончины, а отнюдь не происки Азазеля, понуждают меня писать. Либо, быть может, я хочу, чтобы мой голос поднялся до таких высот, которые отдалили бы мою смерть... В прошлом месяце во время посещения Алеппо ушел из жизни самый старший из насельников этого монастыря. Он умер в главном храме епархии во время обедни и там же был похоронен. Смерть у Божьего порога очищает от всех грехов. Когда же настигнет меня моя смерть – и где?

* * *

Сочинительство пробуждает в сердце затаенные страсти и скрытые воспоминания и вновь заставляет нас задуматься о жестокой действительности. Когда-то давно, в прошлой жизни, меня вдохновляла вера, наполняя радостью мое бытие. Но однажды меня со всех сторон окружил мрак, подняв в душе бурю, которая почти уничтожила меня. Чем закончится история с Несторием после всего, что случилось с ним? До каких пределов дойду я, завершив

свое писание? Увижу ли я вновь умершую или исчезнувшую лишь в моем воображении Марту, чей уход навсегда посеял в моей душе тревогу и тоску? И зачем только я позволил ей уехать в Алеппо, почему не запретил петь ночью для пьяных торгашей и разнузданных арабов-кочевников? Я заставил себя забыть о том, что пережил, но ее полные слез глаза продолжают смотреть на меня, и смятение не покидает меня.

– Ты всему виной, именно ты, Гипа, она умоляла тебя спасти ее и спасти себя, но ты смалодушничал.

– Азазель!

– Да, Гипа, это я – Азазель, который приходит к тебе от тебя самого.

Три вещи неизменно мучают меня: страх за судьбу Нестория, угрызения совести из-за того, что случилось с Мартой, и внезапные появления Азазеля. Сколько же еще терпеть мне все это?! И уймутся ли когда-нибудь эти страхи? О Господи, вразуми меня, ибо я...

– Гипа, прекрати заниматься самоедством и закончи рукопись.

– А что я начал записывать?

– То, о чем толковал тебе Несторий у восточной стены Иерусалима. Ничего не бойся и ничем больше не занимайся, а только пиши и не рассчитывай, что кто-нибудь в обозримом будущем прочтет твои воспоминания. Пиши по ночам. Как знать, несчастный, может быть, дней через сорок твоего затворничества к тебе придет известие о новой победе Нестория после пережитого им поражения. Может, тебе доведется второй раз встретиться с Мартой, одетой в пленительный дамаский наряд, и провести с ней в покое и счастье остаток дней.

Вески доводы Азазеля, и чаще всего он берет надо мной верх... А может, он так дерзок со мной, потому что я предстал перед ним вечно колеблющимся и неизменно страдающим?

Как бы то ни было, поводов для беспокойства нет. Вот-вот рассветет, и нет ничего плохого, если я немного попишу. Видимо, скоро этот свиток будет исписан полностью. Но пока осталось немного свободного места, я закончу описание того, что услышал от Нестория в тот памятный день. Я буду писать по-сирийски, чтобы никто, если прочтет написанное, никогда не смог обвинить Нестория, а лишь меня одного.

В тот день в Иерусалиме достопочтенный Несторий на своем изысканном греческом поведаль мне следующее:

– Правда, Гипа, заключается в том, что вся эта история оказалась дьявольскими кознями. За всем, что происходило сто лет назад на Соборе в Никее, стоял дьявол. Дьяволом я называю то временное помешательство, которое охватывает людей и перед которым бессилён даже Господь. Когда случается подобное, люди начинают браниться, опускаться и напрасно растрачивать свой дух. Страсти захватывают их, они превращаются в глупцов и идут против духа собственной веры – и все ради обретения крупниц бренного существования. Все, что на самом деле произошло в Никее, Гипа, окутано вздором, небылицами и россказнями. Император Константин так страстно желал продемонстрировать, что он глава всех почитателей Креста, что даже не стал прислушиваться к призыву Вселенского собора закончить строительство нового города – Константинополя, поэтому и Собор был созван в ближайшей деревушке. Хуже места нельзя было выбрать, ибо в то время ее называли «Город слепцов». Еще за год до этого императора заботило лишь одно – укрепление своей власти и борьба с прежними соратниками. Победоносно завершив сражения, триумфатор возжелал одержать также и религиозную победу над подданными и с этой целью созвал всех глав церквей вселенской общины. Мало того, он сам управлял этим Собором, даже вмешивался в богословские диспуты и в итоге навязал собравшимся епископам и священникам свою волю. Я думаю, за всю жизнь он не прочел ни одного труда, посвященного божественности Мессии. Он даже не знал греческого, на котором велись богословские прения между священником Арием и александрийским епископом того времени Александром. Это явствует из письма императора к ним, в котором он рассуждает о разли-

чих в толковании природы посланника Иисуса, заявляя, что они незначительны, надуманны, лишены смысла и низки! Он нажимает на них и настаивает на необходимости хранить свои взгляды при себе, не смущая ими людей. Это известное письмо, его копии хранятся во многих епархиях. Победу в этой дискуссии император присудил епископу Александру, чтобы обеспечить себе гарантированные поставки египетской пшеницы и винограда. Он объявил Ария еретиком и осудил его учение, чтобы улажить большинство присутствовавших, и это стало считаться победой всего христианства. И как император Константин погубил философию Ария, так в наши дни руками невежд уничтожаются те, кто считает себя ее последователями, – они обвиняются в ереси и объявляются хулиателями веры. Ариан, живущих сегодня рядом с нами, обвиняют в преступлениях, как сто лет назад император Константин объявил преступником самого Ария и приговорил его к казни среди бела дня.

– А также, отец мой, император приказал сжечь все его сочинения, а заодно и ходившие по рукам Евангелия, за исключением известных четырех... Но что ты имел в виду, отец мой, когда упомянул философию Ария?

Мы уже долго сидели под тенистым деревом, росшим у церковной ограды, в укромном уголке, примыкающем к городской стене. Несторий вдруг замолчал, как будто что-то обдумывая, затем повернулся и посмотрел на меня так пристально, словно его задело, что этот рассказ не произвел на меня должного впечатления. Я никогда не забуду выражение его лица, когда он продолжил разговор:

– Я раскусил тебя, Гипа! Я понял, какие богословские науки ты изучал в Александрии. Я знаю все, чему тебя там обучали, и все, что ты почерпнул из этого обучения – и дело Ария, и его еретические воззрения. Я, однако, смотрю на все это под другим углом, с антиохийских позиций, и сейчас попробую тебе объяснить, что я имею в виду. Я считаю Ария человеком, одаренным любовью, тягой к истине и благодатью: обстоятельства его жизни, его подвижничество и аскеза полностью подтверждают это. Теперь что касается его воззрений. В них я усматриваю лишь попытку очистить нашу веру от древнеегипетских напластований. Твои предки верили в существование троицы: Озириса, его сына Хора и его жены Исиды, зачавшей от мужа без сокоупления с ним. Нам что, нужно вернуться к этим дремучим представлениям? Неверно, что говорят о Боге, будто Он един в трех лицах. Бог, Гипа, один, и нет у Него в Его божественности сотоварищей. Арий считал, что можно поклоняться лишь одному Богу, но он стал говорить об этом так, как в его время говорить было не принято. Признавал таинство перевоплощения Бога в Мессии, но отвергал божественность Иисуса. Соглашался с тем, что рожденный Марией Иисус был даром человеку, но восставал против придания единому Богу сотоварища.

– Но ведь в этом, отец мой, он не выходил за границы древнеегипетских представлений, которые в итоге также сводились к единосущному Богу, главенствующему над всеми святыми. Однако в своих утверждениях Арий шел дальше представлений своего времени, за что был испепелен небесным огнем.

– Александрийским огнем, Гипа... Когда он из готской ссылки обратился с призывом к императору, тот вынудил его помириться с александрийским епископом, дабы обеспечить мир и спокойствие в Великом городе, и здесь его просто-напросто отравили.

– Он что, был отравлен?!

Потрясенный, я вскочил и стал расхаживать туда-сюда. В это время мимо нас проходили две женщины во всем черном, с лицами, прикрытыми на еврейский лад. Когда я вскрикнул, одна из них посмотрела в нашу сторону и поправила накидку, а вторая рассмеялась. Несторий как будто не услышал моего возгласа и ответил спокойным и серьезным тоном:

– Мне кажется это наиболее вероятным. В полдень, за день до назначенной встречи с императором и александрийским епископом, Арий общался с людьми – и вдруг, неожиданно почувствовав резкую боль в животе, зашатался и умер. У него пошла кровь, и все внутренности

вылезли наружу. Страшная смерть! Это случилось в субботу триста тридцать шестого года, незадолго до захода солнца.

– А что было потом, отец мой?

– Ничего. Александрийский епископ был вне себя от радости, закрылся дома и молился. Император Константин также был доволен, что Арий умер. Сторонники и поклонники его разбежались. Епископы осудили Ария и заклеили его взгляды в поданной императору челобитной.

– Пропал человек!

– И мысли его оказались почти загубленными. Через шесть лет после его смерти в Антиохии был созван «освятительный» собор³, на котором епископы недвусмысленно заявляли, что отныне они не будут последователями Ария в том смысле, в каком он это понимал, а будут следовать заветам святых отцов! Так вот восторжествовала Александрия. Кстати, Гипа, ты уже был в Александрии, когда убили женщину-философа Гипатию?

Этот вопрос, как огненный поток, смел робкое трепетание моей начавшей было оттаивать души. Внезапно передо мной стали возникать картины, которые, как я полагал, давно стерлись из памяти. Воспоминания вновь вернули меня в тот день, когда я дал обет молчания, став свидетелем трагедии, вынудившей меня оставить Александрию и начать странствовать по земле Господа.

Как я ни крепился, не смог сдержать двух слезинок, предательски выкатившихся из глаз. Образ Гипатии, взывающей о помощи, вновь встал передо мной... Несторий почувствовал, что со мной что-то происходит, и, движимый божественным состраданием, приобнял меня и притянул к себе. Мне хотелось плакать, и только стыд удержал от этого.

– Ну-ну, Гипа, ты же стоек духом. Ладно, сегодня мы много о чем поговорили, и я искренне к тебе проникся. Возвращайся сейчас в свою уютную келью и поспи. А завтра рано утром я буду ждать тебя у входа в церковь. Мы помолимся, а затем вместе позавтракаем, и ты расскажешь, что приключилось с тобой в Александрии. Даст Бог, завтра увидимся.

В ту минуту я осознал, что Несторий – воистину наделенный благодатью святой отец и достойный почитания служитель Господа... Я чувствовал, он пытается защитить меня, как настоящий отец, которого я потерял, хотя ни обликом, ни чертами он совсем на него не походил. Возрастом он был немногим старше меня и никак не годился мне в родители, если бы не его речь, наполненная истинным церковным смыслом. Под наплывом чувств в греховности своей я совсем позабыл, что хотел попросить его разрешения увидеть епископа Феодора, чтобы осведомиться о его состоянии и получить от него благословение... Устыдившись, я начал бормотать:

– Я завтра приду... Да, после третьей молитвы... Буду ждать тебя, отец мой, и все расскажу, если ты окажешь мне честь вновь посетить мою скудную келью. Я расскажу обо всем, что произошло, обо всем, что случилось со мной в тот день и чему я был свидетелем...

Затем я побежал к себе, мечтая остаться в одиночестве, и по пути молил Господа, чтобы у моих дверей не оказалось никого из больных, – и Господь внял моей просьбе. Я запер дверь и, не зажигая светильника, принялся смиренно молиться, преклонив колени, в полной темноте, уповая на обретение душевного покоя. Но мне не суждено было уснуть той ночью. Всегда, как только в памяти всплывает Александрия, моя постель превращается в колющее ложе. Когда ночные кошмары стали совсем невыносимы, я, заливаясь слезами, горячо воззвал:

– Боже мой, не обдели меня своей милостью, грехи мои давят на меня невыносимо. Избавь меня в великодушии своем от сердечных мук... Успокой меня, Господи, позволь мне вновь родиться без памяти или смилуйся надо мной, призови меня к себе и заведи из этого мира.

³ Антиохийский собор 342 г. был созван по случаю обновления золотого храма-октагона.

Долго я молился так о небесном снисхождении и умиротворении моего сердца, но Господь не внял мне, и воспоминания об александрийских событиях накатывали на меня одно за другим.

Лист III

Столица соли и жестокости

Я хорошо помню, как в пору безвозвратно ушедшей юности отправился из Ахмима в Александрию, влекомый большими надеждами. Стоял полдень, самый разгар дня, в церкви все готовились к молитве шестого часа^[27]. Я ушел с солнцепека на восточный берег Нила, куда причаливали речные лодчонки и парусные барки. К моему удивлению, на пристани никого не было, видимо из-за палящего солнца. В месяц абиб (таммуз (*араб.*), июль) после полудня солнце печет немилосердно. В славные стародавние времена древние верили, что солнце – это явление могучего бога Ра, самого главного из богов... Из исчезнувших, стертых из памяти и позабытых богов.

В гавани я укрылся в тени одинокого дерева, такого же хилого, как и я. Его ветви нависали над краем узкого канала, питавшегося нильской водой, широко разливающейся в летние месяцы. Я достал из торбы маленькую икону, с которой никогда не расставался, образ пресветлой Девы Марии, и стал всматриваться в ее умиротворяющий лик. Если б только Господь смог наделить меня такой же чистой матерью, какой была Дева Мария!

Меня одолела дремота, но я быстро очнулся, когда ко мне подошел молодой человек лет двадцати, тащивший за собой обезьянку. Оба они забавно подскакивали при ходьбе, будто связанные одной цепью. Юноша с улыбкой посмотрел на меня и направился в сторону росшей неподалеку высокой пальмы, ветви которой гнулись под тяжестью сухих фиников. Зимой их никто не собрал, так что какие-то попадали вниз, а какие-то остались на дереве.

– Это сахарные финики, и вкус у них отменный, – обратился парень ко мне так, как будто был хорошо со мной знаком либо хотел объяснить, зачем пришел сюда, и просил позволения взобраться на чужую пальму. А может, решил просить у меня благословения, увидев человека в монашеской одежде. Он поднял руку и указал на верхушку пальмы. Обезьянка в точности скопировала его жест, и оба без малейших усилий, как будто продолжая двигаться по земле, вскарабкались на дерево. Первой до вершины добралась обезьяна и, радостная, стала раскачиваться на ветках и сухих гроздьях фиников. Парень настороженно посматривал на нее, словно опасался змей и скорпионов, которые могли таиться в кроне. Он ловко добрался до самого верха и стал трясти свешивающиеся ветки. Когда закончился финиковый дождь, парень спустился вниз гораздо быстрее, чем взбирался вверх. Он сразу же собрал целые, не изъеденные червями плоды в подол своей выцветшей рубахи и, не произнеся ни единого слова, бросил несколько фиников мне. На лице его блуждала блаженная улыбка. Он не стал дожидаться от меня слов благодарности и не попросил благословения. Он просто поделился финиками, и, посадив обезьянку себе на плечо, пошел прочь, и исчез в зарослях кустарника. Тогда я подумал: может, Бог послал мне этого юношу как знамение? Или это был один из небесных ангелов, тайно живущих на земле среди не ведающих их людей. Правда, в тот момент я почему-то не задался вопросом: а бывают ли ангелы с обезьянами?!

После полудня к пристани причалила лодка, которая направлялась в большой город под названием Асьют^[28], чьи постройки раскинулись вдоль берегов Нила. Он располагался в двух днях пути на север от Ахмима. Матросы на лодке торопились по своим делам и предложили мне, не мешкая, отправиться с ними. В этом я усмотрел волю Господа, призывавшего меня посетить в Асьюте святое место, спрятанное в горной лощине под названием Кускам, где оставалась Дева Мария с младенцем Иисусом во время бегства в Египет, скрываясь от жестокостей римлян. Лодчонки отплыли немедля, попутный ветер надувал парус, и вечером следующего дня я уже был в Асьюте.

Это очень большой город, большинство жителей которого составляли христиане, хотя встречались и идолопоклонники. В целом население было радушным, а построенные друг рядом с другом жилища – просторными. Тогда я думал, что это самый большой город в мире. Я еще не побывал в Александрии, Иерусалиме и Антиохии... Из Асьюта я отправился на запад, в сторону диких гор, где однажды нашло приют Святое семейство. Я мало что там обнаружил, но не пожалел о своем посещении этого места.

Поднявшись на гору, я увидел бедную церквушку с лепившимися вокруг несколькими обветшалыми постройками, которые, по-моему, вряд ли могли быть свидетелями пребывания здесь Святой Девы. В этом невзрачном месте затворничали несколько монахов и совсем не ощущалось никакой одухотворенности, к которой я стремился и ожидал здесь найти. Одна только дикость! Через два дня я вернулся в Асьют.

На обратном пути ко мне подошел человек в красивой одежде. На нем, несмотря на жару, была черная накидка из тонкой и мягкой шерсти, украшенная по краям вышивкой черными же блестящими шелковыми нитями. Меня удивило лукавое выражение его лица, равно как и отсутствие креста на длинной шее. Когда наши взгляды скрестились, он усмехнулся, отчего наружность его показалась еще более коварной, хотя во взгляде проглядывал здравый смысл. Мне этот человек показался опасным, и я пошел медленнее, рассчитывая отстать. Он также замедлил свой ход, дожидаясь, пока мы поравняемся, и стало понятно, что он не прочь заговорить. Вопреки своей воле я поднял на него глаза: на смуглой коже лица контрастно проступали белые лишайные пятна. Без околичностей он вдруг прямо обратился ко мне на греческом языке, бывшем в ту пору в большом ходу среди жителей тех мест, сказав примерно следующее: «Интересно, как могла добраться сюда Дева Мария, одна, с ребенком, спасаясь от преследователей, спустя годы после смерти правителя, который, как утверждают, уничтожал еврейских младенцев? И чего вдруг, после пребывания в зеленых долинах Египта, она оказалась в этой безжизненной желтой стране?» Бесстрастно произнеся свою тираду, этот лукавого облика человек вдруг свернул с дороги, по которой наша процессия двигалась в Асьют, и направился на северо-восток. Было видно, как он пересек поле, углубился в густые заросли тростника и исчез из виду... Для чего я пересказываю все эти подробности?

Несколько недель я провел в разных монастырях и церквях, а затем отправился в Александрию с речным караваном мелких торговцев из Гелиополиса^[29]. Это были бы очень милые люди, если б не пили столько крепкого вина, после чего принимались горланить песни. Во время путешествия я был одет как египетский монах, что оказалось очень удобным – из уважения к моей хламиде матросы отказались брать с меня плату за проезд. Один из них, явно христианин, сказал: «Вполне достаточно, отец наш, если ты благословишь нашу посудину». Тогда впервые кто-то назвал меня отцом.

Во время путешествия их основной пищей был сыр, лук и соленая рыба, которую я никогда не употреблял, следуя наставлению дяди, взявшего меня на воспитание после гибели отца. Так что я, поклявшись строго поститься все восемь дней этой поездки, не вкушал ничего, кроме сушеных фиников и воды. В день, когда мы прибыли в конечный пункт назначения на севере Нила, хозяин лодки спросил, куда я намерен направиться дальше, и, выслушав мои объяснения, посоветовал: «Не входи в Александрию одетым как монах. Место это беспокойное – никогда не знаешь, кто первым попадет навстречу!» и подарил кое-какую одежду из своих запасов.

На меня снизошло озарение, я понял, что он прав, что это Отец Небесный возжелал, чтобы Его послание ко мне было доставлено устами этого человека. Исполненный любви и веры, я пожелал матросам добра и благословения и пошел на северо-запад своей дорогой, пролежавшей через зеленые поля, тянущиеся до самого горизонта. Земной простор и бескрайние виды завораживали меня. В дельте Нила нет ни единой возвышенности, за которую мог бы зацепиться взор, лишь бесконечная равнина, покрытая густой пеленой растительности. На

полям вместе работали трудолюбивые мужчины и женщины. Рядом с местечком под названием Даманхур я встретил группу крестьян, направлявшихся в Александрию, и присоединился к ним. На мне была одежда, которую обычно носят на юге: рубаха с широким вырезом и расширяющимися книзу рукавами. Рясу и клобук, по которым сразу можно определить монаха, я аккуратно свернул и уложил на самое дно котомки, под книги, засунув в этот сверток и старый деревянный крест.

Направлявшаяся в Александрию компания включала десять мужчин и двух женщин, одна из которых была старухой. Они вели за собой семь мулов и четырех баранов. Проводник болтал без умолку, не только вовсю употребляя непотребные слова, но и сопровождая их жестами, явно свидетельствующими о его склонности к языческому беспутству. Он шепотом поинтересовался, зачем я направляюсь в Александрию, и захихикал, узнав, что иду за знаниями:

– В Александрии есть кое-что послаще науки!

Я не стал переспрашивать, что он имеет в виду, однако проводник сам пустился в разъяснения. Шепотом, дыша прямо мне в ухо отвратительным луковым запахом, он проговорил:

– Александрия – это город золота и шлюх! Южанин, ты намерен там подзадержаться?

– Как Господь рассудит.

– Какой там Господь, внучек! В Александрии полно господ, важно, чтобы ты оказался поближе к кому-нибудь из них, а то мало не покажется!

– Как рассудит Господь, который славен на небесах!

– А, да ты христианин! Тогда у тебя в распоряжении полгорода. Да здравствуют сыны замученного и распятого Бога, ха-ха-ха... Вам принадлежит полмира, а мне, болтливому крестьянину, как только наши старые боги стали ненужными, – ничего. Странная штука жизнь.

К вечеру жара усилилась. Час за часом мы продвигались вперед, и все время наш вожатый не переставал трещать и сквернословить. Я поинтересовался у одного из попутчиков, человека с довольно приятным выражением лица, сколько нам еще осталось до Александрии. Тот ответил мне на коптском, на котором говорят жители аль-Бухейры, что не более двух часов. Чем ближе мы подъезжали, тем меньше растительности становилось вокруг, тем реже встречались возделанные участки, перемежавшиеся клиньями песчаной и каменистой пустыни. Ландшафт становился все более и более желтым, и меня это беспокоило. Желтый цвет – цвет смерти, бесплодия и святилищ исчезающих божеств. Прежде мне никогда не доводилось видеть такой бескрайней и пугающей желтой земли, тянущейся до самого горизонта. Раздражение мое усиливали истошные выкрики болтливого поводыря, понукавшего нас поторопиться:

– Сами будем виноваты, если окажемся перед закрытыми воротами после захода солнца!

Я попытался мягко урезонить его, но безуспешно. Его не убедили и доводы, что идущей вместе с нами пожилой женщине тяжело передвигаться с такой же скоростью, как остальные. Возделанные земли вокруг нас исчезли полностью: мы вступили в царство сплошного желтого цвета – цвета осени и греха. Когда солнце начало клониться к закату, вдалеке показалось какое-то зеленое пятно. Сначала я подумал, что это Александрия, и мысли мои воспарили. Но крикливый проводник поднял меня на смех и глумливо рассмеялся:

– Зеленая Александрия, ха-ха!.. Как можно выкрасить город, в котором переливаются все цвета радуги, одной краской!

Примерно через час пути я понял, что увиденное мной зеленое пятно – не что иное, как заросший городской отстойник, расположенный к югу от города и представляющий сеть сообщающихся между собой неглубоких водоемов, с подведенным к ним каналом от Канопского рукава Нила^[30].

Нам пришлось сделать большой крюк, прежде чем мы подошли к Александрии с западной стороны, к воротам, которые называются Лунными. Городские стены были очень высоки, раньше я нигде не видел стен такого размера.

Болтливый крестьянин, не переставая лупить своего осла пятками по брюху, сказал мне с восторгом:

– Мы будем у ворот до захода, и я успею заночевать в городе!

Настоятель собора в Ахмиме рассказывал мне, что со дня своего основания и на протяжении долгого времени Александрия не позволяла таким, как мы, египтянам останавливаться на ночлег внутри городских стен. Но спустя какое-то время ситуация изменилась, и город после распространения нашей веры стал открытым. Никогда не забуду фигуру покачивающего головой настоятеля, говорившего мне по-коптски, как уроженец Верхнего Египта: «Придет день, и мы не позволим всяким язычникам и евреям ночевать в городе. Где угодно, но не в Александрии и в других больших городах! Пусть себе ночуют за стенами, а города нужно оставить только христианскому народу».

Я знал, что за городскими стенами в бедных домишках десятилетиями ютится голытьба. Но когда мы добрались до этого посада, меня привело в восхищение обилие палаток, еженощно разбиваемых теми, кому не позволено входить в город, и большое число лачуг, построенных египетскими крестьянами на западе за городскими стенами. Дойдя до этого места, наша группа разделилась и никто не сказал друг другу ни полслова. Я увидел, что бреду среди сотен обездоленных овец Господних, орущих подле котлов, в которых готовилась пища. Возле их бедных жилищ бегали дети, криками приветствуя отцов, возвращающихся после изнурительного трудового дня. Среди этой людской круговерти попадались стражники с брезгливым выражением на лицах и трясли своими всклокоченными бородами монахи. Никто не смеялся...

Хозяин большой палатки, стоящей на фундаменте из рыхлого кирпича, стал кричать на меня, требуя плату за ночлег, и я поспешил заплатить, сколько он требовал. Ночь у стен Александрии недешево обходится приезжим! В наших краях никто не требует с гостя платы за постой. Если бы на мне было монашеское одеяние, я мог бы заночевать в чистой церкви, которую обнаружил чуть позже, немного прогулявшись. Из нее доносился голос проповедника, громко читающего на греческом. Тогда я, конечно, не мог переменить платье, это наверняка вызвало бы подозрение и могло навлечь на меня неприятности. Помню, я сказал себе: «Ничего, войду в город в своем естественном обличье бедняка из Южного Египта, отец которого был нильским рыбаком, боявшимся кишасих в реке крокодилов и бегемотов. Я буду таким же, как все, кто меня окружает. И защитой мне станет лишь то, что я растворюсь среди паствы Господней».

Утомленный, я прикорнул в углу просторной палатки. На дне моей котомки лежало письмо, написанное посвятившим меня в монахи священником из Ахмима своему другу Юаннису, священнику из Ливии, служившему в большой Церкви на пшеничном зерне. Ее также звали Церковью Марка, потому что она была освящена апостолом Марком, автором Евангелия, который проповедовал в этом городе, но был убит. Осторожно ощупав это рекомендательное письмо кончиками пальцев, я немного успокоился.

Меня уверяли, что я многому научусь в Александрии, и мысли об этом воодушевляли. Порывшись в своей торбе, я достал пригоршню сухих фиников и принялся жевать, восхищаясь мудростью Господа, наполняющего наш живот сытостью после наступления чувства голода.

Сидящий по соседству человек в рваной одежде, вид которого тем не менее не был неприятен, улыбнулся мне. Я протянул ему несколько фиников, и он взял их, после чего залез в свою котомку, вытащил кусок сыра и предложил мне. Я поблагодарил, но сыр не взял, не став объяснять, что пощусь. Он поинтересовался, откуда я, и без всякой задней мысли я ответил:

– Из Наг Хаммади.

– А я родом из Самалута, – обрадовался он. – Там родился, но давно живу здесь.

Человек переполз ко мне поближе и стал рассказывать, что он также с плоскогорья на восток от Нила, уроженец деревни, стоящей у подножия Птичьей горы.

– Она названа так из-за того, что каждый год несметное количество птиц прилетают и гнездятся на ней, а затем вдруг все разом улетают, после того как какая-нибудь птица принесет себя в жертву. Она засовывает голову в отверстие у подножия горы – и неведомая сила тут же хватается ее и держит, пока не выпьет из нее всю кровь и не выдерет все перья. Тогда остальные птицы, в последний раз искупавшись в нильской воде, собираются и ночью улетают, чтобы опять прилететь на следующий год в урочное время. И все повторяется вновь.

Перейдя на шепот, этот человек рассказал, что в его краю много идолов, то есть древних статуй. Есть, например, удивительный истукан мужчины, который спит с женщиной. А на вершине горы стоит церковь, в которой обитают монахи, и называется она Церковью на ладони, потому что, когда мимо этого места проезжал Иисус Христос во время бегства Святого семейства в Египет, он оставил отпечаток своей ладони на камне как знак чудесного свидетельства и в назидание потомкам.

– Он также оставил там посох, которым погонял свое стадо, – заявил рассказчик.

– Но Иисус, когда пребывал в Египте, был младенцем, – ответил я этому любителю поговорить, имени которого не запомнил.

– Ты что говоришь такое, брат! Иисус Христос всю свою жизнь прожил в Египте, здесь же и умер!

Я понял, что этот человек полный невежда, либо знает то, чего не знаю я, либо каждый из нас верит в то, что сам напридумывал. У меня не было никакого желания поддерживать этот разговор, поэтому я извинился, сказав, что хочу спать. Прикрыв голову старой дерюгой, выданной мне хозяином палатки, я приготовился отойти ко сну сидя, как привык делать это в сумраке ночей. Ночи для меня – почти всегда торжество мрака.

Засыпая, я представлял Птичью гору и себя в церкви на ее вершине. Мне непременно следует посетить этот край и увидеть его диковины, решил я. Сколько необычного встречается на нашем пути! Земля Египта полна удивительных и странных вещей, ибо в ней живут верующие люди. Той ночью сон долго не шел ко мне. Картины моего путешествия сменяли одна другую, перемежаясь воспоминаниями из жизни: вот юноша с обезьяной, взбирающиеся на пальму так быстро, что, казалось, оба воспаряют к финикам на вершине пальмы, как птицы... Мое путешествие по реке на лодке, принадлежавшей бедным торговцам, их крики, не дающие мне покоя... Испуг в глазах матери, когда я сообщил ей, что знаю, как она поносила моего отца в присутствии своей родни – оголтелых поборников креста... Она убежала прочь, не пожелав остаться со мной, после чего я ее больше никогда не видел... Мои горькие рыдания, когда я узнал, что спустя какое-то время она вышла замуж за одного из своих родственников, участвовавших в убийстве моего отца... День, когда я, отощавший так, что оставались лишь кожа да кости, припал к груди своего дяди, отыскавшего меня... Мое поступление в большую школу в Наг Хаммади, когда мне уже исполнилось одиннадцать... Жена моего дяди, нубийка, и аппетитный запах ее стряпни на закате дня... Я было задремал, но вдруг проснулся, разбуженный низким и хриплым голосом монаха огромного роста, стремительно вошедшего в палатку. Встав в центре, он начал трубно вещать, обращаясь ко всем находящимся внутри:

– Благословляю вас, дети Господни, во имя Иисуса Христа, Спасителя нашего, и даю вам небесное благословение. Овцы Господни, приидите ко Иисусу Христу, как Он пришел к вам. Господь любит вас, так и вы возлюбите Его. Молитесь Ему перед сном и после пробуждения и примьте из рук моих Его милостыню. Любовь – это божественный дух, так возлюбите братьев ваших, и близких ваших, и чад ваших, и врагов ваших!

Сидящий рядом со мной отталкивающего вида крестьянин насмешливо и негромко, так, чтобы его услышали только окружающие, произнес:

– Интересно, а любит ли его начальник Кирилл^[31] своих братьев-евреев?

Стоящие вокруг прыснули от смеха, а один из них добавил:

– Кирилл любит их до смерти. Их смерти. Недаром же он выселил их за стены.

Монах из-за раскатов собственного голоса не услышал этого, ибо мог слышать только себя, каждую ночь проповедуя таким образом пастве. Он закончил свое громогласное поучение, всколыхнувшее что-то в глубине моей памяти, произнеся напоследок:

– Дети Божьи, дом Господа открыт для вас. Идите в церковь, которая есть свет для каждого, и примите благословение! Веруйте, и явится вам Господь ваш. И пребывайте вместе с апостолами, святыми и мучениками.

Закончив изливать на нас запасенные словеса, довольный собой, он вышел из палатки с видом труженика, ворочавшего камни. За ним двинулся толстый стражник, не проронивший ни слова с тех пор, как вошел вслед за проповедником. Оставшийся в палатке народ поначалу зашумел, забормотал и начал втихомолку пересмеиваться, но вскоре все успокоились и вновь вернулись к своим привычным разговорам. Вокруг замелькали куски грубого хлеба, сыра и соленой рыбы, резко запахло луком. Со своего места я передвинулся ближе к выходу, где воздух был не таким спертым, устроился там и задремал.

Мне снились разные сны, но ни один не принес отдохновения. Промучившись до рассвета, я пробудился рано, когда все еще спали и дружный храп заполнял все пространство внутри палатки. Где-то снаружи плакал младенец, надрывался продавец кислого молока, слышалось чириканье воробьев... Мне не хотелось вставать, ибо впереди был длинный день, ни начало, ни конец которого не были ясны. Но заснуть уже не удалось. Я просто сомкнул глаза и не открывал их, пока утренний свет не объял все вокруг. «Встало божественное светило и пролило свет на все праведное и нечестивое», – как говорится в Писании.

Впереди за воротами Великого города меня ждал большой мир. Прежде чем пойти в церковь Святого Марка, я хотел немного побродить и увидеть все, что мне было интересно, полностью раствориться в толпе и рассмотреть город изнутри.

Я вышел из палатки, надеясь найти воду, чтобы умыться, но безуспешно. Люди копошились, готовясь начать новый изнурительный трудовой день. С самого раннего утра они уже выстроились перед городскими воротами. Оказывается, их никогда не закрывают, даже на ночь. Створки ворот вросли в каменистую почву и были изъедены ржавчиной так, что, похоже, их не трогали уже много лет. Почему же тогда люди останавливались на ночлег за стенами города?

Плотный людской поток, состоящий из одних бедняков, одетых в старую, но чистую одежду, увлек меня к воротам. Многие тащили на себе тяжелые тюки, но давки не было. Я двинулся вместе со всеми, отдавшись во власть могучих людских волн и положившись на волю Господа. Лица входящих в город выглядели изможденными, хмурыми, но глаза светились надеждой, совсем не вязавшейся с их внешним обликом. И вдруг меня пронзила неожиданная мысль: а ведь все они, и христиане, и язычники, – дети одного Господа!

У ворот стояла стража, усердно всматриваясь в лица входящих, на башне размещались дозорные. Стражники никому не препятствовали, но люди сами замедляли ход, понимая, что им в любую минуту могут преградить дорогу. За большими воротами находилась еще одна дверь, совсем маленькая, в которую можно было войти только поодиночке. Ржавчина на ней свидетельствовала о том, что и к этой двери годами никто не прикасался.

Александрия огромна и широка. Ее улицы без труда поглощали всех входящих в город, как трещина в огромной пустыне проглатывает муравьиный поток. Городские дороги были вымощены брусчаткой из темно-серого камня, вдоль домов – тротуары. Когда я увидел их, то понял значение этого слова, впервые услышанного от моего учителя, священника из Дамьетты, преподававшего в Наг Хаммади. Меня поразила чистота улиц. На самом деле их каждую ночь мыли дворники, жившие за стенами города. Горожан на улицах было немного. На родине я слышал, что александрийцы не такие, как мы: предпочитают бодрствовать ночью и не любят рано вставать.

Обилие больших зданий и церквей в Александрии не удивило меня – в старых священных городах Египта я встречал постройки намного внушительнее, – но я был впечатлен аккуратностью и элегантностью городских кварталов: дороги, стены, фасады домов, окна, отделанные парадные входы, увитые розами и декоративными цветами балконы. Город поражал своим изяществом. Но эта кричащая повсюду красота не породила ощущения той великой божественной Александрии, как ее называли... Я бы назвал ее градом человеческим!

– Южанин, это дорога к стадиону. Ты туда направляешься или в египетский квартал?! – раздался внезапный возглас.

– Нет, я иду к морю.

– Море – оно везде. Вернись туда, откуда пришел, затем поверни влево, перейди Канопскую^[32] улицу и иди на север, мимо церкви в Букалии, которая должна остаться слева, так и выйдешь к морю. Оно как раз тебя ждет.

Я поблагодарил добровольного экскурсовода, сторожа какого-то дома, и направился в указанную им сторону. И зачем только он пристал ко мне со своими советами? Я рассчитывал побродить по городу и увидеть то, что пожелал открыть мне Господь.

Я перешел небольшой каменный мост и очутился на Канопской улице, которая делит город на две части: северную, в которой живут зажиточные горожане, и южную, где селится беднота. Про себя я отметил, что александрийские бедняки выглядят состоятельнее самых богатых людей моей страны.

Когда солнце достигло зенита, улицы оживились. Жителей в городе оказалось больше, чем я ожидал. Я присоединился к нескольким церковным прихожанам, шедшим в северном направлении. Позади них двигались несколько работников с кирками и ломами. Они бормотали по-гречески:

– Во имя Иисуса, истинного Бога, разрушим языческие капища и построим новый дом для Господа.

Это заклинание по-гречески звучало ритмично, по-сирийски так бы не вышло. Впрочем, на этом языке в Александрии не говорили.

Я свернул, чтобы не идти в одну сторону с этими людьми, и продолжил двигаться по Канопской улице.

Канопская улица – это отдельный мир. Она протянулась через весь город: от Лунных ворот, через которые я вошел в Александрию, до Солнечных, расположенных в восточной его части. Здесь почти нет свободного места, все застроено прекрасными домами. Все, что я видел вокруг в тот день, мне было в диковинку, кроме внушительного размера статуи, стоящей на площади посередине улицы. Еще до прихода в город я знал, что это статуя бога Сераписа^[33], пощаженная прежним епископом Александрии Феофилом во время разрушения большого храма Серапеума и избиения засевших в нем язычников. Статую бога Сераписа епископ повелел поставить посреди улицы как напоминание язычникам о судьбе их святилища, как символ его победы над ними и навечного унижения их богов. Разрушение огромного капища случилось в год моего рождения – в сто семнадцатом году эры Мучеников, или триста девяносто первом от Рождества Христова. Уже двадцать один год эта замечательная скульптура напоминала о низвержении прежней, языческой веры. Меня поразило ее вид: голова языческого бога была в помете морских птиц, а вокруг самой статуи набросаны кучи мусора. Попирая ногами булыжную мостовую, этот бог, казалось, смеялся над тем, что для него не нашлось подходящего постамента.

Я старался не обнаруживать своего интереса к этой скульптуре, чтобы не привлекать внимания снующих рядом христиан и язычников. Не стоило, чтобы на меня обращали внимание ни те, ни другие, ни даже иудеи, запертые в своем городе и ненавидимые обеими общинами. Язычники не любили их за алчность, а христиане не могли простить им донос на Спасителя, предательство его в руки римлян и распятие... Распятие... А было ли оно на самом деле?

От захвативших меня греховных мыслей я очнулся, лишь услышав зычный голос вещавшего на греческом глашатая:

– Префект Орест^[34] призывает ученых и студентов утром в воскресенье в амфитеатр на лекцию женщины-педагога всех времен.

Такой титул – педагог всех времен – мне показался необычным. И к тому же женщина? Поначалу я даже усомнился, верно ли я все услышал, потому что формы мужского и женского рода в греческом не совпадают. Потом я подумал, что глашатай повредился в уме, хоть он и выглядел вполне серьезным. Сомнения пробудили во мне интерес, я подошел к глашатаю и спросил, где состоится лекция.

– Какое тебе дело до лекций, крестьянин, или хочешь на дармовщину попробовать там сласти, которые будет раздавать префект?

– Я не ем сладкого... Только хотел узнать, кто такая эта женщина-педагог всех времен?

– Крестьянин, не употребляющий сладкого, да еще рассуждающий на классическом греческом, ты что, никогда не слышал о Гипатии? Это, клянусь Сераписом, странно!

Он отвернулся от меня и, продолжая выкрикивать: «Префект Орест призывает ученых и студентов...», скрылся в какой-то убегающей на юг улочке, оставив меня в недоумении. А я принялся размышлять о женщине, ставшей «педагогом всех времен», пока не вспомнил, что хотел увидеть море.

Я свернул на одну из улиц, ведущих на север, и пошел вперед. Двигаясь по узким улочкам, я шел мимо непохожих одно на другое зданий, выкрашенные каменные стены которых с течением времени утратили свой первоначальный цвет. Позже я узнал, что виной всему был долетавший сюда ветер с моря, находившегося совсем рядом.

Запах морской воды становился все осязаемее, я уже слышал, как шептались волны, пробуждая во мне неведомое доселе чувство. Когда, наконец, показалось море, я побежал и неожиданно выскочил на просторную песчаную косу, начинавшуюся сразу за домами. Один из них был так велик, что казался дворцом. У больших ворот сидел пожилой охранник, возле которого паслись овцы. Я прошел мимо, не повернув головы, охранник тоже не посмотрел в мою сторону. Меня рассматривали только овцы.

Когда я увидел море, охватывающее песчаный выступ, то замедлил шаг и неспешно добрался почти до середины пустынной отмели, а затем пошел по песчаной дорожке вдоль скал. Береговые скалы в Александрии имеют острые края, они суровы и совсем не похожи на выбеленные каменистые отроги на моей родине, вдоль которых Нил спускается с небес и, выровнявшись, спокойно течет меж своих берегов. У моря, которое я увидел в тот день, похоже, совсем не было берега! Каким маленьким кажется оно в книгах по географии! Я шел, оставляя позади скалы, пока под ногами не остался один песок и море не расстелилось передо мной с трех сторон. У самой кромки, где на суше пузырилась прибитая волнами морская пена, я сбросил торбу, всю дорогу оттягивавшую плечи. Побуждаемый нетерпением, я ринулся вперед – и вот у ног моих заплескалась морская вода. Заходить дальше я побоялся. От бесконечности открывшегося простора закружилась голова. Раскинув руки, я представил себя готовой взлететь птицей и набрал в грудь побольше нависавшего над волнами морского воздуха. Вода, омывавшая мои ступни, мягкость накатывающих и отступающих волн подо мной приводили меня в восторг.

Море! Ты величайшая водная стихия, где зародилось все живое! За тобой лежат другие страны, а за ними раскинулось еще более великое море, омывающее весь мир. И сейчас, вспоминая тот охвативший меня почти двадцать лет назад трепет, я ощущаю, как на лицо мое падают брызги, и застываю от восхищения, превращаясь в бездвиженный древний обелиск.

Я осмотрелся и увидел, что поблизости никого не было. Зачерпнув воды, я умыл лицо, страхи мои поутихли, и я рискнул войти еще дальше, где вода доходила до колен. Новое, неведомое чувство охватило меня. На морском дне не было ни ила, ни глины, только один беско-

нечный песок, над которым перекачивались волны. Я вспомнил мутные и грязные воды Нила, где могут таиться крокодилы, а здесь вода была настолько прозрачна, что я видел лежащие на дне камни и собственные ноги. Я прикрыл глаза, полностью отдавшись мягким и возбуждающим колыханиям волн. Одна волна чуть меня не опрокинула, заставив рассмеяться так громко, от души, как уже не приходилось смеяться ни до, ни после... Вернувшись на берег, я скинул с себя одежду и бросился в море. О боже, как билось тогда от радости мое сердце!

Плавать в море легко, тебя держит соленая вода и не влечет течение, как во время купания в Ниле. К тому же нет ни крокодилов, ни бегемотов, ни ползающих по берегу варанов⁴. А значит, в море пловцу ничего не угрожает, и он счастлив вновь ненадолго вернуться в изначальную стихию, из которой вышло все живое.

Убедившись, что поверхность воды держит меня без особых с моей стороны усилий, я лег на спину и стал вглядываться в небо.

На этой переливчатой поверхности я не чувствовал холода, внутренний жар обогрел остывшее сердце и наливал силой члены. Когда море приняло меня, я ощутил себя младенцем, выбравшимся из огромного чрева. На меня навалились какие-то необычные ощущения: вдруг захотелось чего-то плотского и чувственного. Мне, которому никогда прежде не приходилось касаться женщины и даже не мыслилось прикоснуться к ней в будущем! Но в тот миг я думал именно о наслаждении. И мне пригрезилось, что море – это жеманная женщина, невинно наслаждающаяся купающимся мужчиной. Но греха в этом нет, и никого за подобное не призовут к ответу. Море – это милость Божья для страждущих. Слава Тебе, милосерднейший из милосердных!

Солнце пронзало лучами водную гладь, и его свет отражался на моей смуглой коже, покрывая ее блестящим серебром редкой красоты. Тогда я впервые заметил, как прекрасно мое тело. Море сумело явить то, чего не могла вскрыть река, – великолепие божественного творения, воплотившегося во вселенной и в человеческом теле.

К западу от того места, где я находился, вдалеке я увидел несколько крупных судов, а на востоке вдоль всей линии берега кружили чайки. Их было множество, беззаботно парящих в облаках... Может, именно эти чайки каждый год прилетают на Птичью гору, о которой рассказывал мне сосед по палатке?

Качаясь на волнах, я чувствовал себя совершенно счастливым, не думая о том, что со мной может случиться нечто, навсегда отвернувшее меня от моря.

Солнце начало клониться на запад, когда вдалеке на берегу, рядом с моей одеждой, я заметил какую-то фигуру, махавшую мне. Меня вдруг охватило беспокойство, и грудь пронзил страх. Отчаянно заработав ногами и руками, я поплыл назад, но через несколько минут, показавшихся мне веками, обнаружил, что несколько не приблизился к берегу. Тогда я с удвоенной силой принялся молотить по воде, но суша все равно оставалась далеко. Внезапно силы покинули меня, а левая рука одеревенела. Я расслабил мышцы, решив немного передохнуть, но вдруг почувствовал, что море затягивает меня на глубину, и похолодел. Обессиленный, я вновь принялся барахтаться, но вода оказалась сильнее и тянула и тянула меня вниз, сколько бы я ни двигал усталыми руками. Только тогда я осознал, каким вероломным может быть море.

Поднявшаяся волна скрыла от меня стоящего на берегу человека. Я изнемог уже окончательно: вода больше не держала. Идя ко дну, я начал кричать, но быстро понял, что так растрачу последние силы. Боль в левой руке стала невыносимой, но я продолжал подгребать ею, шепча про себя: «Не покинь меня, Иисусе Христе, клянусь, всю свою оставшуюся жизнь я посвящу Тебе!»

⁴ Нильский варан – вид пресмыкающихся, относящийся к крупным ящерицам, который в древности обитал на берегах Нила. Сегодня почти не встречается.

Море затягивало меня, но я продолжал кое-как держаться на поверхности, руки сами собой не переставая гребли и гребли к берегу. Дыша, как раздутые кузнечные мехи, я уже начал горько сожалеть о своей судьбе, когда внезапно ноги мои нащупали дно. С замирающим сердцем я вознес хвалу Господу и, шатаясь, выбрался на берег.

Цепляясь ногой за ногу, я бросился к своим вещам и упал на песок. Не обнаружив никого на простирающейся вдаль косе, я решил, что человек, предупреждавший меня об опасности, был вовсе не человеком, а посланным Богом с небес ангелом, который спас меня, отчаявшегося, от небытия.

И тогда я сказал себе: «Воистину, Отец наш, который на небесах, милостив к нам, и пути Его неисповедимы».

Я поклялся, что больше никогда и близко не подойду к морю.

Внезапно из-за выступавшего неподалеку уступа послышался легкий смешок. Я приподнялся на локтях, посмотрел в ту сторону, откуда раздался звук, и увидел белую женщину, одетую по александрийскому обычаю в платье, закрывающее грудь и руки. Грациозно покачиваясь, она подошла ко мне с таким видом, будто только что вышла из морской пены:

– А ты знатный пловец и счастливчик к тому же.

– Кто вы, госпожа?

– Госпожа... Ха-ха! Я Октавия, прислуживаю одному сицилийцу, торговцу шелком.

Я смотрел на нее как в тумане. Мне казалось, что я все-таки утонул и очнулся уже в другом месте. Но, осмотревшись по сторонам, обнаружил, что чайки по-прежнему реют над морем, а далекие постройки находятся на том же месте, где я видел их раньше. Легкий ветерок овеивал меня, и я наконец пришел в себя окончательно. Что привело сюда эту служанку, которая таковой на самом деле совсем не выглядела? Запинаясь от волнения, я прямо спросил ее об этом. Женщина ответила совершенно серьезно:

– Меня послал Посейдон... Бог моря, который не дал тебе утонуть. Я одна из его нимф. Ха-ха-ха!

– Прошу тебя, перестань шутить.

– Не дуйся, южанин, я все объясню.

И Октавия рассказала, что часто приходит на это место, когда ее хозяин уезжает по торговым делам, забирая с собой всех домочадцев. В доме, кроме нее, остается только сторож, вечно сидящий у ворот. Октавия же любит приходить сюда, чтобы послушать море, потому что оно хранит много тайн. Глядя на волны, Октавия рассказала, что люди заглядывают в это место не часто, потому что здесь скалы, а возле самого берега – опасные водовороты.

– А-а, теперь я понял, что со мной случилось. А как ты догадалась, что я с юга?

– По твоему выговору. Я также знаю, что ты сейчас голоден, после такого-то купания. Пойдем, съешь чего-нибудь.

Я уже не помню, что ответил ей. Помню только, что умирал от голода, но еще больше от стыда. Октавия вывела меня из смущения, произнесла повелительно и в то же время мягко, как со мной прежде никто не разговаривал:

– Бери свою торбу, и пойдем.

И направилась к узкой расщелине между скал, а я, словно окаменевший, продолжал сидеть там, где сидел, уставившись на ее удаляющуюся фигуру. На вид Октавии было около тридцати, а может, сорока. Ее тело уже начало полнеть, но еще не утратило пластики. При ходьбе она покачивалась, будто дрожащая струйка дыма. Какой притягательно-соблазнительной казалась она! Интересно, Октавия нарочно пыталась произвести впечатление, или так выглядят все женщины в Александрии, подумалось мне тогда.

На этом я прекращаю писать. Воспоминания теснят мне сердце, тяжелеет голова, и перо валится из рук. Пока довольно того, что я успел записать этой ночью, продолжу на рассвете,

если проснусь. И так, я полностью закончил этот лист. Завтра придется начинать новый. На нем я запечатлею еще один поворот моей памяти, не прекращающей свое бесконечное движение по кругу.

Лист IV

Страсти и соблазны Октавии

Уже давно я люблю лишь то, что переживаю в себе самом. Мне нравится сплетать собственные фантазии и оживлять их подробностями, а затем забывать о них, когда захочу. Так я избегаю ошибок и остаюсь в безопасности. Но то, что случилось на песчаном скалистом берегу к востоку от Александрии, было совсем другим... Это была реальность, еще долгое время не дававшая мне спать по ночам.

Когда я, обессиленный, вышел из моря, уже холодало. Я оказался один на один с женщиной по имени Октавия и не мог решить, как себя вести. Октавия, напротив, выглядела уверенной и знала, что нужно делать. А все потому, что, как рассказала она на третий день нашего знакомства, ждала события, которое предсказала ей одна из жриц заброшенного святилища. Вот что произошло с нами.

Итак, Октавия, грациозно покачиваясь, направилась к расщелине между скал, а я сидел в растерянности, не в силах отвести от нее взгляда. Прежде чем высокие изящные бедра Октавии скрылись в скальном проеме, она обернулась и бросила на меня обольстительный взгляд. Указав на низ моего живота, она произнесла с ироничной улыбкой:

– Ты вечно собираешься сидеть в таком виде? Оденься! И следуй за мной поскорее.

Я взглянул на свое поднимающееся естество – и только тут со стыдом осознал, какую шутку сыграл со мной дьявол. Я схватил рубаху, быстро накинул ее и со всем своим нехитрым скарбом двинулся к расщелине в скале, где укрылась Октавия. Мне хотелось извиниться перед ней, поблагодарить, а затем попросить разрешения исчезнуть и тем покончить со своей постыдной оплошностью.

Смущенный, я вошел в небольшую пещеру. Октавия сидела на земле и что-то доставала из изящной плетеной корзины вроде тех, которые крестьяне мастерят своим господам из пальмовых веток. С того места, где я стоял, были хорошо видны ее полные груди. До этого мне доводилось видеть, как женщины кормили грудью своих детей, но то, что я видел сейчас, было совсем иным. Бог даровал женщине груди, чтобы кормить детей, или у него были еще какие-то соображения?

Не обращая на меня внимания, Октавия продолжала заниматься своим делом. Прямо на земле она аккуратно расстелила большой белый платок, придавив его края морскими ракушками, в изобилии устилавшими пол пещеры, и принялась раскладывать различные яства: вареные яйца, тонкие лепешки из белой муки, два вида белого сыра, воду или вино в белом глиняном сосуде. Ее полупрозрачная одежда также была вся белая, как и цвет кожи. Я был изумлен.

– Присаживайся, – сказала Октавия.

Не в силах противиться, я покорно уселся, полностью отдавшись ее воле, и Октавия приняла меня в свой сладкий плен. Она начала делать со мной то, чего никто никогда не делал даже в детстве: она стала кормить меня, вкладывая кусочки пищи прямо в рот, и когда я проглатывал один кусок, с улыбкой протягивала следующий. Вначале я отказывался, но очень быстро вошел во вкус и принялся есть из ее рук, покорный, как младенец.

Я так объелся, что, казалось, больше никогда в жизни не захочу есть. Когда, проглотив последний кусок, я закрыл рот, Октавия пальцами опять раздвинула мои губы. Правой рукой она потянулась к бутылке, а левой медленно обняла меня за плечо и мягко, но уверенно прижала к своей груди.

– Что ты делаешь?

– Хочу по-своему угостить тебя лучшим александрийским вином.

«По-своему» означало, что щекой я был прижат к ее груди. От моего изначального напряжения не осталось и следа. Рядом с этой служанкой я не ощущал никакой неловкости – я был полностью растворен в ее неге и не помнил ничего. Когда рука женщины коснулась моего плеча, я почувствовал, что навечно зачарован ею, что перестал существовать, и погиб в этих объятиях. Она поднесла бутылку к моим губам – и небесный нектар наполнил мою душу: я в жизни не пробовал подобного вина. От выпитого на меня накатила дурман, я закрыл глаза и почувствовал, что душа моя воспарила в бескрайнюю высь. Я так и лежал с закрытыми глазами, пока Октавия не произнесла:

– Выпей еще, любимый, вино очень полезно.

– Любимый... Как ты это производишь!

– Ни о чем не спрашивай. И не открывай глаз, пока не почувствуешь меня.

Солнце клонилось к закату, нас окружала тишина, нарушаемая лишь плеском волн. Я был не в силах противиться этой неотразимой александрийке. Она оказалась права: после того как я прильнул к ее груди с закрытыми глазами, мое влечение к ней лишь усилилось.

А когда она стала ласкать мою шею, спину и нежно кончиками пальцев пощипывать грудь, я почувствовал острое наслаждение. Внезапно я ощутил, как напряглось тело женщины и участилось ее благоуханное дыхание.

Правая рука Октавии скользнула в мои шальвары, еще влажные от морской воды, и сжала то, что находилось у меня в паху. Затем она опрокинулась на землю и требовательно притянула меня к себе. Я уже не владел собой. Я чувствовал себя Адамом накануне изгнания из рая, ибо собирался повторить его проступок: войти в рай и вкушать запретного плода... Сгорая от греховной страсти, влекомый переполняющим меня колдовским желанием, я, не думая более ни о чем, навалился на Октавию всем телом.

– Полегче, дорогой. Ты все еще мокрый. Как мне нравится твое тело, любимый! Как ты тверд...

В тот миг я был сам не свой. Казалось, далекий Нил остановился в своем течении, на земле не осталось более ни одного живого существа, а в небесах исчезли ангелы. Мое семя само вдруг изверглось из меня, и Октавия рассмеялась. Я попытался было обнять ее, но она поднесла мою ладонь к своим губам и стала целовать. Когда ее язык касался подушечек моих пальцев, я чувствовал, будто исчезаю, погружаясь в блаженство.

– Солнце село, любимый, будет холодно... Пойдем в дом, он недалеко. Там никого нет, только сторож, но он хороший.

Октавия проворно вскочила и стала собирать все обратно в корзину: белый платок, пустую бутылку из-под вина. Она снова надела серебряные браслеты, которые сняла, когда кормила меня. Октавия была как цветущее дерево, а я рядом с ней выглядел сухой пальмой. Затем она прошептала мне на ухо, хотя мы были одни и причины говорить шепотом не было никакой:

– Не отставай, нужно незаметно проскользнуть в дом, пока сторож не заметил.

Октавия направилась в сторону домов, а я последовал за ней, держась неподалеку. Я видел, как она остановилась у ворот того самого большого дома, который мне показался дворцом, и о чем-то побеседовала со стариком-сторожем. Закончив разговор, тот скрылся из виду. Октавия стояла у ворот и, улыбаясь, ждала меня.

Я вошел в калитку и увидел ухоженный сад, где росли невысокие деревья и цветы, в предзакатном зареве казавшиеся еще более прекрасными. В центре стоял элегантный двухэтажный дом, украшенный внушительными колоннами.

Оглядываясь, я спрашивал себя: что лучше – рай или это место?

Происходящее казалось мне волшебным сном, и просыпаться совсем не хотелось. Октавия отперла входную дверь медным ключом и пригласила меня войти.

«Царство небесное! Какая роскошь!» – прошептал я. Она рассмеялась и, подхватив бездымный горевший светильник, прильнула ко мне и положила мою руку себе на грудь. Обнимая

друг друга, мы стали подниматься по красивой лестнице из белого мрамора. Всюду, куда падал свет, мои глаза наткнулись на предметы роскоши: будь то изысканная мебель, прекрасная языческая статуя или искусно вышитый шелковый ковер. Стены, облицованные цветным мрамором, имели декоративные ниши, а простенки на лестничных пролетах были расписаны цветными изображениями, при этом каждый следующий рисунок был не похож на предыдущий. Сколько же средств, времени, труда, фантазии и умения понадобилось, чтобы создать такую лестницу! Даже соорудившиеся на протяжении веков великолепные храмы, остатки которых были разбросаны вдоль всей нильской долины, не могли похвастаться подобной изысканностью и совершенством⁵. Помню, я спросил себя тогда: а что прекрасного оставит потомкам наша вера? И будет ли это наследие сравнимо с наследием языческих времен, подобным этому? Этот вопрос не переставал мучить меня долгие годы, но так и остался без ответа...

Ах, Октавия, память моя хранит воспоминания о твоих прелестях и о том времени, что я провел с тобой!

Октавия вставила новый фитиль в светильник, и свет от него залил лестницу до самого верха. Я посмотрел вниз и увидел на полу в центре зала замечательное мозаичное панно. Тогда мне не удалось хорошенько его рассмотреть, и лишь утром следующего дня я обнаружил, что на панно была изображена грустная собака, сидящая рядом с сосудом, из которого лилось молоко. Октавия рассказала, что эта собака хозяина-сицилийца, пожелавшего запечатлеть ее в момент смертельной болезни. Искусные художники выложили панно таким образом, что сицилиец, каждый день спускаясь сверху, видел своего друга. А еще Октавия поведала, что несколько месяцев ее хозяин, всякий раз ступая на панно, безудержно рыдал.

Меня очень занимал этот сицилийский купец. Быть так помешанным на собаке! А ведь когда у него умерла жена, он увековечил ее лишь в небольшой скульптуре, стоящей в спальне. Мне показалось, что он не вполне нормальный, несмотря на то что богат и любит искусство. Столько плакать из-за собаки! Поистине, чудеса этого мира не перестают удивлять меня. Мне вспомнился отчий край, в котором собак было хоть отбавляй... и людей тоже!

На втором этаже дома располагалась огромная спальня. Когда я заглянул в нее, то не удержался и спросил Октавию: «Если такая спальня у купца, то какие же тогда у царей?» Она ответила, что ее хозяин до неприличия богат и что я при желании мог бы провести ночь в его постели... Я, естественно, отказался.

Октавия повела меня к себе. Мы миновали большую лестницу, а затем поднялись еще по одной, поменьше, и оказались на крыше дома. Она была выложена мраморными плитками, а по периметру ее обрамляли изящные перила, невысокие стойки которых были выполнены в виде стройных обнаженных женских фигур, каждая из которых держала в руках прямоугольный мраморный поднос с вырезанными на нем разнообразными фруктами. Сквозь симметричные проемы между женскими скульптурами проглядывало море с почивавшими над ним облаками. Подойдя ближе к перилам, я вздумал было полюбоваться открывшимся изумительным видом, но Октавия оттащила меня, напомнив, что меня может заметить сторож, ничего не знающий о моем присутствии в доме.

Именно здесь, на крыше, располагалась небольшая надстройка, в которой жила Октавия. И именно здесь я, полностью подчинившись ее власти, провел с ней ровно три ночи, когда мы существовали только друг для друга.

Октавия зажгла металлическую лампу, сразу осветившую все уголки ее просторного и уютного жилища, а сама внезапно поцеловала меня, разбудив во мне желание. Я впервые ощущал вкус поцелуев... Октавия... Прижавшись ко мне, она нежно прошептала, что ей нравится

⁵ Старинное предание гласит, что древние египтяне жили очень долго, поэтому и строили колоссальных размеров пирамиды и храмы. Подтверждение этому можно найти в мифах ранних евреев и христиан, собранных в Торе, где говорится, что потомки Адама жили сотни лет, а некоторые даже около тысячи... На самом деле средний возраст жителя Древнего Египта не превышал 36 лет.

вдыхать исходящий от меня запах моря, а потом взяла меня за руку и, улыбаясь, повела в смежную с комнатой ванную. В центре небольшого помещения стояла белая мраморная ванна на коротких изогнутых ножках, стенки которой были украшены сценами борьбы.

Смеясь, Октавия стянула с меня рубаху и грудью подтолкнула к ванне, куда я не без опаски забрался. Октавия принялась плескать водой на мое зябко поддрагивающее тело, а затем, добавив в воду ароматно пахнущего масла, стала мыть мне голову. Я подчинялся ей, околдованный происходящим. Закончив мыться, я осторожно выбрался из ванны, боясь поскользнуться на мокром мраморе, но нисколько не страшась рухнуть в разверзнутую передо мной пропасть и даже желая быть поглощенным ею. Я накинул короткий, но просторный, расшитый по краям халат, протянутый мне Октавией.

Мы вышли на крышу, и тут я заметил, что на Октавии тоже был халат, в свете луны показавшийся мне полупрозрачным. Ее груди вздымались, и, распахнув халат, она прижалась ко мне, а затем опустилась на мраморный пол, покрытый большим мягким ковром ни западного, ни восточного типа, какого я ни до, ни после не видел. Края этого ковра, обшитые бахромой, стали границами нашей вселенной на всю оставшуюся ночь, пока утреннее солнце не коснулось нас лучами.

Все, что нам было нужно, Октавия принесла из комнаты. Чайник с водой, серебряное блюдо с фруктами, пару подушек, скатерть из тонкой раскрашенной шерсти... Я вдыхал аромат ее духов, когда она, прижавшись ко мне, шепотом предупредила не говорить громко, чтобы не беспокоить старого доброго сторожа, который по ночам пас свое маленькое стадо за стенами дома. Счастливая, она откинулась на спину и улыбалась, разглядывая далекую луну. Извечная робость почти совсем покинула меня: я протянул руку, чтобы погладить ее грудь, но Октавия остановила меня, подвинув ко мне серебряное блюдо, наполненное незнакомыми, но самыми вкусными фруктами, которые я когда-либо пробовал. Шепотом она спросила, какие фрукты растут в моем краю, и, когда я ответил: «Лимоны, плоды пальмы дум^[35] и финики», добродушно усмехнулась и уложила меня рядом с собой.

Звезды и небо были почти такие же, как и на моей родине, а вот земля была совсем другой... И я был другим.

Мягкими подушечками пальцев Октавия поглаживала мою руку, но когда взглянула на меня, из ее глаз выкатились слезинки. Я нежно вытер их и спросил:

– Почему ты плачешь?

На что она лишь ответила: «Это долгая история...» – прижалась ко мне всем телом и проговорила:

– Я не могу насмотреться на тебя! Я так долго тебя ждала!

Я не знал, как ее понимать, и когда спросил об этом, она ответила:

– Завтра утром я все тебе расскажу. А сейчас дай мне полюбоваться, как блестит твое тело в лунном свете.

– Я ничего не понял... Что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Не важно, что сейчас ты ничего не понимаешь. Главное – то, что ты чувствуешь. Скажи мне, любимый, сколько тебе лет?

– Двадцать один.

– А я думала, что мы ровесники. Получается, я старше тебя на пять лет. Но как бы там ни было, ты – высокий мужчина, выше меня и красивее... Иди ко мне.

Октавия повернулась ко мне лицом и впиалась в мои губы жарким поцелуем, побуждая меня делать все, что доставляло ей удовольствие. Желание переполняло меня: своей пылкой страстью Октавия разожгла во мне ответное чувство. Я как мог сопротивлялся ее напору, но проиграл и предпочел подчиниться, хотя и ощутил, что внутри меня зародилось какое-то смутное чувство. Октавия спросила, красива ли она, и я, не задумываясь, признался, что самая красивая из женщин.

– А ты знал многих женщин?

– Нет... ты первая, которая прикоснулась ко мне. Ну то есть ты самая красивая из всех, кого я встречал в жизни. Правда.

– Скажешь тоже. Я никогда тебе не поверю... А какие женщины у вас на юге?

– Они такие же тощие, как и я, и печальные. Ты совсем другая, ты чудеснее и нежнее. Ты удивительная.

– Ну, ты преувеличиваешь.

Это замечание задело меня. Гордясь собой, я заявил, глядя Октавии в глаза, что наизусть знаю стихи Гомера и Пиндара^[36] и что я прочел все труды Эсхила и Софокла^[37].

– А, так ты образованный... Приехал в Александрию искать работу?

– Нет, я приехал, чтобы закончить изучение медицины.

Слово «медицина» произвело на Октавию магическое впечатление. Лицо ее осветилось улыбкой, обнажившей ослепительно белые зубы. Всем своим телом она устремилась ко мне, и все движения ее были полны влечения. Прежде я думал, что, когда мужчина уединяется с женщиной, это он должен доминировать над ней. Но в те минуты главенствовала она. Не стану описывать все, что мы делали в ту нашу первую ночь... Наша первая ночь!.. Она была полна запретной страсти, ставшей причиной изгнания Адама из рая. И правда ли, что Бог изгнал Адама лишь за то, что тот взбунтовался? А не потому ли, что когда Адам узнал тайну женственности, то познал и свою мужественность, и свою разницу с Богом, хотя Бог и создал его по своему образу?!

Утреннее солнце разбудило нас и загнало в комнату. Октавия рассказала, что она вдова. Ее муж работал вместе с ней в этом прекрасном доме, который я называл дворцом. На что Октавия сочувственно, но решительно заявила: «Ты просто никогда не видел дворцов в Бархьюне!» Она имела в виду царский квартал в Александрии, где в то время устраивались конные ристалища и располагались дворцы, которых я действительно не видел и не увижу уже никогда!

Немного помолчав, Октавия опять поинтересовалась моим возрастом. И когда я вновь произнес «Двадцать один», тут же заявила, что разница в возрасте не имеет никакого значения, а затем принялась с жаром доказывать, что женщины, влюбляясь в мужчин моложе их, делают тех самыми счастливыми на свете, а она может сделать меня наисчастливейшим из самых счастливых. На что я ответил – намеренно пошловато, желая ее поддеть, – что вряд ли можно утверждать, что Клеопатра VII^[38], когда влюбилась в Марка Антония, сделала его счастливым. Она скорее превратила его в поверженное, лишенное близких и друзей существо, разведенное с матерью его детей и в итоге зарезанное. Продолжая свою тираду, я неотрывно смотрел Октавии прямо в наполняющиеся изумлением глаза:

– Кстати, жену Марка Антония звали Октавией, как и тебя. Она была сестрой римского цезаря Октавиана, его старинного друга, взбунтовавшегося против Марка Антония. Они стали злейшими врагами, хотя были как братья...

Она резко оборвала меня, причем лицо ее перекосило от гнева:

– Избавь меня от этих бабушкиных сказок. Верь тому, что я говорю. Я сделаю тебя счастливейшим человеком на земле!

– Но как? Или лучше – почему?

– Ты задаешь слишком много вопросов. Сейчас я ненадолго тебя оставлю. Никуда не уходи отсюда. Я все объясню, когда вернусь.

И она ушла, оставив меня пребывать в смущении. Мне пришло в голову, что все это как-то странно. Я встретил Октавию в тот день, когда водоворот чуть не затащил меня в предательски ласковое море, а теперь эта женщина так же неотвратимо втягивает меня во что-то непонятное. Я даже не заметил, как на меня накатила дремота, от которой очнулся, лишь когда Октавия вернулась, неся в руках, как я догадался по запаху, какую-то снесь.

– Октавия, я не ем рыбу.

– Хорошо, тогда мы поедем что-нибудь другое. Я отдам рыбу сторожу, а нам приготовлю сыр и виноград.

Не дожидаясь моей реакции, Октавия вышла, но очень быстро вернулась. Ее лицо было серьезным, совсем не таким, как днем раньше, но, как и в прошлый раз, она брала кусочки еды и вкладывала их мне в рот. Аппетита у меня не было, да и сама Октавия съела немного. Убрав блюда с едой, она придвинулась ко мне поближе и с привычной улыбкой на лице начала рассказывать одну историю за другой. Я до сих пор вижу ее, удобно устроившейся на кровати, вижу ее жесты во время этого разговора и почти дословно помню все сказанное ею тогда.

– Когда умер мой муж, я захотела посвятить себя богам и стать жрицей в одном из еще оставшихся в городе языческих храмов. Мой господин-сицилиец не одобрил этого решения – он относился ко мне как к дочери. Это он научил меня читать, когда мне было всего десять лет от роду.

– А почему он не позволил тебе служить в храме?

– Он считал, что нынешним богам не нужно, чтобы кто-нибудь им прислуживал, а нужно, чтобы их жалели. Он напутствовал меня такими словами: «Ты погрусти, погрусти, дочка! Уныние свойственно человеку, вот и твоя печаль со временем затихнет и пройдет, как и прочие людские горести. Придет день, и ты найдешь себе нового мужа».

Октавия рассказала, что ее хозяин не был приверженцем какой-то одной веры, все религии казались ему в чем-то истинными, как и любые боги, поскольку они делают человека лучше. Положив голову мне на плечо, она прошептала, что ее господин всегда полагал, что бог являлся человеку во все времена и во всяком месте в различных обличьях, и именно в этом и заключается его божественная сущность.

– Удивительная точка зрения!

– Давай сейчас не будем его обсуждать! Позволь мне закончить.

Теперь она была абсолютно серьезна, при этом красота ее несколько не померкла. Привалившись плечом к стене, она поведала о том, каким тяжелым для нее было время после смерти мужа, особенно после того, как ее сицилийский хозяин, присутствием которого был наполнен весь дом, вскоре после этого на несколько месяцев отправился в свое ежегодное путешествие по торговым делам. Этот сицилиец предпринимал подобные отлучки дважды в год: вначале он ненадолго, примерно на месяц, уезжал в Антиохию, его следующее путешествие продолжалось три-четыре месяца. На своих судах он посещал пять городов на западе (в Ливии), а затем отплывал на север, проводя неделю в Константинополе, после чего переправлялся в Бергамо, а непосредственно перед возвращением в Александрию останавливался еще на Кипре и Сицилии. Хозяину было около шестидесяти. Он владел тремя большими судами, и у него не было ни семьи, ни наследников. И всякий раз Октавия слышала, как тот уверял, что нынешняя поездка точно станет последней. Если бы смерть настигла его в море, дом достался бы ей, но лишь при условии, что она не выгонит сторожа. В тайнике, местонахождение которого было известно только ей одной, он оставлял деньги. Октавия говорила, что всегда с нетерпением ожидала возвращения господина из таких путешествий, ей не нужны были ни дом, ни спрятанные в тайнике деньги. Она верила в старых богов и особенно в бога морской стихии по имени Посейдон, о котором отзывалась с большим почтением.

Уже стало смеркаться, Октавия зажгла светильник и, вернувшись в мои объятия, продолжила рассказывать:

– После того как сторонники христианского епископа Феофила окончательно разрушили все, что осталось от большого храма, стоявшего на западной оконечности острова Форос, где также находилась и пристань, служившие в нем жрецы убежали и рассеялись по всей земле. Одна старая жрица спряталась у нас дома. Она знала о моем особом почитании бога Посейдона и постоянных обращениях к нему с просьбой охранить суда моего господина. Она прожила здесь, на крыше, последние несколько недель перед своей смертью. Большую часть времени

она проводила возле этих стен и смотрела на море... Однажды перед самой кончиной жрица позвала меня в комнату и проникновенно сказала: «Октавия, не надо грустить! Бог Посейдон пошлет тебе мужа из моря, которого ты полюбишь и который полюбит тебя. Утри слезы и возрадуйся жизни. Тебе будет дан знак, по которому ты поймешь, что он появился». А когда я спросила, что это за знак, та ответила: «Двойка. Знаменательное событие может произойти через два дня, две недели, два месяца, а может, и через два года».

После смерти старой прорицательницы Октавия провела в ожидании два года, уже начав сомневаться в истинности предсказания. И когда увидела, как я тонул, а потом выбрался из морской пучины и направился к ней почти голый, в одном мокром исподнем, неизвестно кто и откуда, она поняла, что предсказание исполнилось! Когда Октавия закончила свой рассказ, на нее вдруг накатила приступ неожиданного веселья:

– Целых два года! Я уж было решила, что мужчина, которого я жду, окажется моряком, приплывшим на каком-нибудь судне, но я нашла тебя, принесенного на крыле великого бога и выброшенного волнами.

– И поэтому ты говорила «любимый», как только увидела меня?!

– Да, потому что я полюбила тебя еще за два года до того, как увидела, а может, даже еще раньше!

Я не знал, что ей ответить на это, и лишь медленно притянул к себе. Октавия умолкла, прижавшись к моей груди, и так и заснула младенческим сном, оставив меня погруженным в царство дум и фантазий. Помню, я спросил себя: что делать с этой белокожей женщиной, очаровавшей и околдовавшей меня своей обнаженной грудью? Может, отказаться от всего, о чем я мечтал, и навсегда остаться в ее постели? Но неужели ее переполняющая любовь заставит меня забыть великую мечту: достичь совершенства в медицине и богословии? В то время когда скончался ее муж, я, тогда еще мальчишка в Наг Хаммади, предавался мечтам о женитьбе на какой-нибудь молодой женщине, такой же нубийке, как и я. Нубийцы почти никогда не женятся на чужих. Дед моего отца пришел в Нубию из центра нильской долины и прожил всю жизнь среди нубийцев, став почти таким же, как они. Мои отец и дядя родились уже в этой стране. Дядя, в чьем доме я жил, женился на нубийке, а отец взял в жены деревенскую женщину из Дельты, ставшую впоследствии моей матерью.

В восемнадцать я возбуждался, видя, как топчутся воробьи и спариваются животные. Я обсуждал с дядей мою женитьбу на девушке-нубийке. Он пользовался среди нубийцев уважением и мог бы устроить мне свадьбу. Но дядя мудро отговорил меня от этого шага, посоветовав сначала завершить обучение на врача и богослова. Мой дядя, сейчас уже покойный, был хорошим христианином. Это он привел меня в церковь в Наг Хаммади и заставил посещать церковную школу в Ахмиме. Интересно, захотел бы он, чтобы я стал монахом, дабы вытравить из сердца горькие воспоминания об убийстве отца? О том, что после этого преступления один из этих бандитов женился на моей матери? Как быстро стираются воспоминания!.. Мать... Как могла она выйти замуж за убийцу?! Мой отец был хорошим человеком, я ни разу не видел, чтобы он накричал на мать, и он ни разу не поднял на меня руку. Отец часто брал меня с собой, когда отправлялся ставить сети на Ниле. До сих пор вижу, как он стоит на белесых уступах, которые, как он верил, выбелили священные небеса, спускавшиеся вниз вместе с водами Нила, чтобы защитить его от крокодилов, также священных. Я радостно выбирал запутавшуюся в сетях рыбу, и отец был счастлив, видя мою радость. Почему никто не предотвратил его гибель? О Иисус Христос! Я понимаю, как кровоточило сердце Девы Марии и как страдало оно из-за Тебя... Я чувствую всю глубину Ее мучений в тот день, когда они гвоздями приколотили Твои руки и связанные ступни к кресту. Как и Ты, я распят на кресте своих воспоминаний и, как Она, приговорен к мучениям из-за потери родных...

– Любимый, ты плачешь? Тебя расстроил мой рассказ?

– Нет, Октавия. Спи. Я плачу из-за несчастий этого мира и его ужасов.

– Не надо, любимый, не плачь! Прижмись к груди любящей тебя Октавии.

Мы обнялись и так и уснули в объятьях друг друга. Сны – это небесный дар для всякой твари, но в ту ночь мне не снилось ничего. Проснулся я рано, разбуженный каким-то приглушенным шумом: Октавия, довольная, хлопотала в комнате. Когда я открыл глаза, она проворно нырнула в кровать и растянулась рядом со мной на животе. Ее лицо светилось безграничным счастьем. Я вдруг обратил внимание, что моя смуглая кожа приобрела какой-то красноватый оттенок, так что мое тело по цвету стало походить на цвет медной посуды. Вначале я было подумал, что это результат нашего с ней разврата и безрассудства. Но Октавия, не переставая посмеиваться, уверила, что это последствие воздействия солнечных лучей и соленого морского воздуха.

Я лежал рядом с ней голый, не чувствуя никакого смущения... Второй раз мне нравилось мое тело... Второй раз... и последний... за всю мою жизнь.

После продолжительных ласк и долгих поцелуев Октавия предложила мне принять ванну, наполненную теплой водой с ароматными травами, которые привозят из Сирии.

– А я тем временем постираю твою одежду.

Произнеся это, она соскользнула с кровати и направилась к моей торбе. Подумав, что Октавию могут поразить спрятанные там монашеская одежда и деревянный крест, я вскрикнул как ужаленный:

– Нет, не нужно! – И затем добавил уже извиняющимся тоном: – Я не люблю, когда кто-то стирает мое белье. Я делаю это сам уже много лет.

– Но, любимый, все эти годы рядом с тобой не было Октавии.

– Я прошу тебя, не перечь мне.

Она не противилась. А бросилась в мои объятия, заставив меня устыдиться и забыть обо всем, обо всех своих затаенных бедах и редких радостях. Весь мой мир теперь умещался в ее объятьях.

– Ты, – прошептала она мне на ухо, – еще не привык ко мне, дорогой, но со временем привыкнешь. – Ее дыхание согревало мне грудь, губы целовали мою шею, вновь возбуждая и распаяя меня.

Я заметил в глазах Октавии желание. Я тоже нестерпимо желал ее.

Вода в ванне уже немного остыла. Ухватившись руками за бортики, я вытянул ноги, а Октавия принялась растирать меня. Я прикрыл глаза, пытаюсь вспомнить что-нибудь из своего прошлого, чтобы отвлечься и успокоиться, но все воспоминания напрочь вылетели из головы, как будто прикосновения Октавии стерли все, что я когда-либо знал до нее.

Очень нежно она перевернула меня, чтобы потереть спину. Я нежилась под ее ладонями, и испуг, охвативший меня, когда Октавия хотела взять мою торбу, совсем прошел. Но мрачные мысли вновь посетили меня, и я не мог опять не задаться вопросом: как долго будет продолжаться эта волшебная явь? Это непреходящее блаженство, этот обман наяву? Почему я не сказал Октавии правду и позволил ей втянуть себя в эту ложь? Господь ведь видел меня и видел ее, Он никогда не простит мне того, что я сделал, не избавит меня от наказания, если я не покаюсь и не попрошу Его милости. А если Он пожелает простить меня, то заставит искупить вину за совершенный грех. Он уже и прежде карал меня, даже несмотря на то, что я не допускал никакой провинности. А может, эти наказания были за то, что я делаю сейчас? Но ведь есть же еще грехи Октавии. Неужели Господь накажет и ее? А может, и не обратит внимания – ведь она язычница и не верит в Него. Может быть, Он наказывает лишь тех, кто верит в Него? Думаю, в конце концов Господь простит всех – Он же милостив!

Неожиданно мне пришло в голову, что нужно немедленно подняться. Нужно надеть рубаху и потребовать от Октавии, чтобы мы вернулись в пещеру на берегу, где я впервые увидел ее. У моря я и расскажу ей все о себе. Все закончится там, где и началось, и я смогу заняться

тем, ради чего приехал сюда, – медициной и богословием. Потом я вернусь к себе в деревню, отопру запертую много лет назад дверь дома моего дяди и буду вести жизнь отшельника и лечить людей. Своими руками я стану творить чудеса, доказывающие существование Господа. Люди позабудут, что произошло с моими отцом и матерью, я приму церковное имя, которое мне понравится и подойдет. А потом...

– О чем ты задумался, любимый? Обо мне? Я с тобой!

– Я хочу выбраться из этого корыта и пойти в ту пещеру у моря.

– Мы скоро вместе туда пойдем... Иди сюда, любимый, я оботру тебя.

Проклятые сомнения опять нагрянули: зачем балует меня эта женщина? Для чего она стремится околдовать своей всепоглощающей любовью, в которой тонет все сущее, ведь она даже не знает меня? Да и я знаю о ней лишь то, что она сама поведала... Наверняка она что-то скрывает, причем это что-то – пугающе-таинственное. Она ведь язычница, верит в idiotские греческие басни, в богов, которые жульничают друг с другом, сражаются с людьми, постоянно женятся, выходят замуж и предают своих супругов! Чье больное воображение породило греческих богов? И удивительно, что еще находятся те, кто верит в эту чушь! Октавия, например, убеждена, что меня к ней послал Посейдон. Но у моря не может быть своего бога, и значит, меня никто не посылал... Но могу ли я быть уверен в том, что Октавия заблуждается, а я на верном пути? Тора, в которую мы верим, также полна примеров разного рода обманов, войн и предательств. Почитаемое у нас Евангелие Египтян^[39], хоть оно и запрещенное, отличается от четырех других расхожих Евангелий. Неужели все это вымысел, а Бог скрыт за всем этим, за всеми этими верованиями?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Насх (араб.) – наиболее распространенный вид арабского шрифта.

2.

Хиджра (араб., буквально – переселение), переселение Мухаммеда и его приверженцев (мухаджиров) из Мекки в Ясриб (Медину), совершенное в сентябре 622 (между 8 и 21 или 24 сентября). При халифе Омаре I (правил в 634–644) год «хиджры» был объявлен началом мусульманского летосчисления.

3.

Эстрангелло (классическое сирийское письмо) – вид письма, которым записывались рукописи на древнесирийском языке до V в. н. э. После разделения Сирийской церкви на несториан и яковитов у каждой из этих двух групп выработался свой тип шрифта, соответственно – восточносирийский и западносирийский.

4.

Азазель – по верованиям древних евреев – демон пустыни. Предание об Азазеле как об одном из падших ангелов возникло в еврейском фольклоре довольно поздно (не ранее III в. до н. э.) и зафиксировано, в частности, в известной апокрифической Книге Еноха. В Книге Еноха Азазель – предводитель допотопных гигантов, восставших против Бога. Он изобрел оружие и косметику, научил мужчин воевать, а женщин – искусству обмана, совратил людей в безбожие и научил их разврату.

5.

1-й месяц коптского календаря.

6.

Летоисчисление в Римской империи долгое время велось с начала правления императора Диоклетиана (ок. 243–313) – от 29 августа 284 г. Оно использовалось не только астрологами при составлении гороскопов, но и александрийскими епископами при расчетах дат празднования христианской Пасхи. Позднее эпоха жестокого гонителя христиан Диоклетиана была переименована в «Эру Мучеников чистых». Это название до сих пор используется христианами-коптами в Египте, Эфиопии и Судане.

7.

Феодор Мопсуэстийский (ок. 350–428) – раннехристианский теолог и святой Несторианской церкви. Епископ г. Мопсуэстии с 392 г., он был одним из наиболее значительных богословов Востока в послеоригеновский период и некоторое время главой антиохийской школы, сильнейшей противницы Александрии в догматической и церковно-политической борьбе V и VI вв. Мопсуэстия (впоследствии – Мамиста) – древний город, возникший на месте римского поселения *Cilicia Campestris*, на реке Пирамус (совр. Джейхан) в 20 км от Антиохии.

8.

Иоанн Златоуст (ок. 347–407) – архиепископ Константинопольский, богослов, почитается как один из трех Вселенских святителей и учителей вместе со святителями Василием Великим и Григорием Богословом. Христианский святой, почитаемый в лике святителей.

9.

Мф. 5:5–6.

10.

Мараш был основан хеттами в 1000 г. до н. э. Во времена Римской и Византийской империй город назывался Цезария Германика. Ныне – Кахраманмараш – столица ила Кахраманмараш в юго-восточной Турции.

11.

Элефантина – название острова с одноименным древним (ранее III тыс. до н. э.) городом на реке Нил после первых порогов. Ныне остров в черте современного египетского города Асуана называется Гезират-Асуан.

12.

Плотин (204/205–270) – античный философ-идеалист, основатель неоплатонизма. Систематизировал учение Платона о воплощении триады в природе и космосе. Фрагментарные записи Плотина были посмертно отредактированы, сгруппированы и изданы его учеником Порфирием, который разделил их на шесть отделов, а каждый отдел – на девять частей. Отсюда название всех пятидесяти четырех трактатов Плотина: «Эннеады» – «Девятки».

13.

Арий (256–336) – один из ранних христианских ересиархов, основоположник арианства. Работа «Пир» представляет собой изложение в полупоэтической, полупрозаической форме его учения. Не сохранилась до наших дней, за исключением нескольких фрагментов в произведениях Афанасия Великого.

14.

Евангелие от Фомы – один из новозаветных апокрифов. Фрагменты греческого текста известны с 1897 г. по раскопкам в Оксирихе. Папирус с полным коптским переводом Евангелия от Фомы был обнаружен в 1945 г. в библиотеке Наг Хаммади. Автором в тексте назван Дидим Иуда Фома, причем греческое «дидим» и древнееврейское «фома» означают «близнец».

15.

Евангелие от Иуды – гностическое апокрифическое Евангелие на коптском языке, входящее в найденный в 1978 г. в Египте Кодекс Чако, частично реконструированное и опубликованное в 2006 г. Найденный текст, возможно, является переводом утраченного греческого оригинала. В этом Евангелии Иуда Искариот показан как единственный ученик, которому Иисус Христос открывает все таинства Царства. Не входит в список канонических Евангелий (от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна) и не признается христианством.

16.

Книга Тайн, или Книга Еноха (Эноха), – один из наиболее значимых апокрифов Ветхого Завета. На данную книгу ссылается апостол Иуда в своем послании. Текст упоминается у древних писателей – Тертуллиана, Оригена и других. Однако сам текст был неизвестен до XVIII в., когда он был обнаружен в составе эфиопской Библии, где входит в канон.

17.

«О граде Божьем» – один из основных трудов философа и богослова Аврелия Августина, в котором Августин представил развернутую концепцию философии истории. Был написан в 413–427 гг., через несколько лет после взятия Рима вестготами.

18.

Гиппон-Регий, Гиппон Царский – древний город в доримской и римской Африке, порт на берегу Гиппонской бухты Средиземного моря (Hippoensis Sinus), исторический предшественник современной Аннабы (Алжир). Возник за 1200 лет до н. э. как колония Тира. Римляне прозвали Гиппон Царским, так как здесь находилась резиденция царей Нумидии.

19.

Маймор (маомар) – в переводе с иврита означает речь-лекцию ребе, обычно программную, привязанную к торжественному событию. У европейских раввинов был обычай собирать дворы (народ), где и читались майморы, которые либо записывались, либо дословно запоминались специальным хасидом.

20.

Феофил – патриарх Александрийский. Занимал александрийскую патриаршую кафедру с 385 по 412 г. Патриаршество Феофила было отмечено борьбой с язычеством и противостоянием оригенизму. Преемником Феофила стал его племянник Кирилл.

21.

«Главы о выходе к свету дня» – сборник древнеегипетских гимнов и религиозных текстов, помещаемый в гробницу с целью помочь умершему преодолеть опасности потустороннего мира и обрести благополучие после смерти. Представляет собой ряд из 160–190 (в разных вариациях) несвязанных между собой глав, различного объема, начиная от длинных поэтических гимнов и кончая однострочными магическими формулами. Название «Книга мертвых» дано египтологом Р. Лепсиусом.

22.

Хнум – бог-творец, создающий человека на гончарном диске, хранитель Нила; человек с головой барана со спирально закрученными рогами. Хнум – в древнеегипетской мифологии бог плодородия, сын Нуна; бог Демиург, создавший мир на гончарном круге; его священное животное – баран, с головой которого он изображался.

23.

Дерево Пифагора – разновидность фрактала, основанная на фигуре, известной как пифагоровы штаны. Пифагор, доказывая свою знаменитую теорему, построил фигуру, где на сторонах прямоугольного треугольника расположены квадраты.

24.

Амвросий Медиоланский (ок. 340–397) – миланский епископ, проповедник и гимнограф. Один из четырех великих латинских учителей церкви, он обратился в христианство и крестил блаженного Августина.

25.

Нектарий Константинопольский (?–397 г.). Уроженец киликийского города Тарса. Был патриархом Константинопольским с 381 по 397 г., но не крещеный (крещение в ту эпоху было принято откладывать до последнего, как в Средние века откладывали до смертного одра пострижение в монашество).

26.

Флавий Валерий Аврелий Константин, Константин I, Константин Великий (272–337) – римский император. После смерти отца в 306 г. войско провозгласило его Августом. После победы над Максенцием в 312 г. в битве у Мульвийского моста и над Лицинием в 323 г. стал единственным полновластным правителем римского государства. Христианство сделал господствующей религией, и в 330 г. перенес столицу государства в Византий (Константинополь). Константин почитается рядом христианских церквей как святой в лике равноапостольных (святой равноапостольный царь Константин).

27.

Церковные службы часов, освящающие определенное время дня, связаны с важнейшими священными событиями евангельской истории. Служба первого часа, который соответствует по нашему счету семи часам утра, напоминает верующим о суде над Господом Иисусом Христом у Пилата. Кроме того, служба этого часа содержит благодарение Богу за наступление дня и моления о ниспослании благословения Божия на предстоящий день. На третьем часе (соответствует девяти часам утра) вспоминаются события последних дней земной жизни Господа Иисуса Христа: надругания над Ним и бичевание Его после суда у Пилата. Кроме того, этот час посвящен воспоминанию события сошествия Святого Духа на апостолов, совершившегося в этот час в день Пятидесятницы. На шестом часе (соответствует двенадцати часам дня) совершается воспоминание о добровольных страданиях и распятии на Голгофе Господа Иисуса Христа. На девятом часе (соответствует трем часам дня) вспоминается Крестная смерть Господа Иисуса Христа и указывается на значение Его смерти для вечного спасения верующих в Него.

28.

Современный Асьют. Название города позаимствовано из коптского языка, в Древней Греции и Риме он назывался Ликополис. Древний Асьют был столицей 13-го нома Верхнего Египта, находился к юго-востоку от Гермополиса на западном берегу Нила.

29.

Гелиополь, Гелиополис, Илиополь – один из древнейших и важнейших городов в Древнем Египте, расположенный к северо-востоку от современного Каира. В Гелиополе находился главный центр поклонения верховному богу солнца (первоначально Атуму, затем Атуму-Ра) и связанным с ним божествам – «Великой Девятки Иуну».

30.

Чуть ниже Каира, в 160 км южнее своего впадения в море, река Нил распадается на рукава, из которых важнейшие – Пелузский, Танитский, Мендесский, Букольский (или Фатнический), Себенитский, Болбитинский и Канопский.

31.

Кирилл Александрийский (376–444) – христианский египетский экзегет и полемист, возглавивший оппозицию несторианству. Представитель александрийской богословской школы, организатор гонений на язычников, еретиков и иудеев. Отец Церкви.

32.

Канопус, Каноб или Каноп, – город в Древнем Египте, в западной части дельты Нила. По свидетельству Страбона, находился в 19 км к востоку от Александрии у устья самого западного рукава Нила (Канобского). Город славился Серапеумом – храмом Сераписа с оракулом и религиозным врачеванием.

33.

Серапис – эллинистический бог, о происхождении которого существует несколько различных версий. Серапису был посвящен крупный храм в Александрии, известный как Серапеум.

34.

Орест был римским наместником провинции (диоцеза) Египет в 415 г.

35.

Имбирная пальма, или Гифена фивийская (*Nurphaene thebaica*), – единственная в своем роде, так как она принадлежит к числу редких ветвящихся пальм. У десятиметровой имбирной пальмы есть ветки, чаще всего не более трех – шести, тогда как обычные пальмы их не образуют. Каждая ветка завершается фонтаном веерообразных листьев, между которыми появляются цветки – на одном дереве женские, на другом – мужские. В одной грозди может быть до двухсот плодов. В Верхнем Египте, где это дерево называют «пальмой дум-дум», его плоды составляют важный источник питания беднейших слоев населения. Едят волокнистую мучнистую шелуху, которая по вкусу напоминает имбирный пряник. Пальма «дум-дум» была известна еще древним египтянам, ее плоды были обязательным приношением в захоронениях фараонов.

36.

Пиндар (522/518–448/438 до н. э.) – один из самых значительных лирических поэтов Древней Греции. Был включен в канонический список Девяти лириков учеными эллинистической Александрии.

37.

Эсхил (525–456 до н. э.) – древнегреческий драматург, отец европейской трагедии. Софокл (496/5–406 до н. э.) – афинский драматург, трагик.

38.

Клеопатра VII Филопатор (69–30 до н. э.) – последняя царица эллинистического Египта из македонской династии Птолемеев (Лагидов). Прославлена благодаря драматической истории любви к римскому полководцу Марку Антонию. В годы ее правления Египет был покорен Римом, сама Клеопатра покончила жизнь самоубийством, чтобы не стать пленницей первого римского императора Октавиана Августа.

39.

Евангелие Египтян – гностический христианский текст, относящийся к находкам в Наг Хаммади. Считается раннехристианским апокрифом. Цитаты из Евангелия Египтян присутствуют в трудах Климента Александрийского (150–215).